

Анучина, и во 2) благодарить А. И. Кельсиева за временное исполнение имъ должности Секретаря.

По окончаніи засѣданія Отдѣла, присутствовавшіе

Члены осматривали выставленные въ залѣ засѣданія модели мамонта и Кавказскаго дольмена, изготовленные И. И. Севрюгинымъ.

III.

Тридцать первое засѣданіе Комитета 17-го февраля 1879 г.

Содержаніе. А. И. Кельсievъ, Продолженіе отчета о раскопкахъ въ Ярославской и Тверской губерніяхъ. Е. А. Покровский о трудахъ Медико-Антропологической Комиссіи. Г. Г. Зандбергъ о свидѣніяхъ, сообщенныхъ г. Ретцусомъ изъ Стокгольма. А. П. Богдановъ о корреспонденціи Комитета (присылка изданій Г. Граше изъ Богеміи. Е. Д. Фелицынъ о серіи портретовъ изъ Кубанской области и о виселичныхъ черепкахъ. М. А. Малиновскій о приготовленіяхъ къ выставкѣ по Бѣлорусскому краю. Письма гг. А. К. Казанскаго Статистическаго Комитета. Письмо В. И. Чернявскаго изъ Сухума. Отношеніе Ярославскаго и Статистическаго Комитетовъ. Увѣдомленіе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей). Письмо г. Моринъ изъ Парижа о терминѣ раскопкахъ въ Лифляндской губерніи и о Музеяхъ Прибалтійскаго края. Пожертвованіе Н. А. Вахрамѣевымъ на Отдѣлъ историческаго Самаркандскаго народонаселенія, пожертвованныя Самаркандскимъ Управленіемъ. Избраніе въ Почетные Члены и Уполномоченные.

(Въ большой аудиторіи Политехническаго Музея).

Предсѣдательствовалъ А. П. Богдановъ. Присутствовали: Президентъ Общества Г. Е. Щуровскій, Товарищъ Предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла Н. Г. Керцелли, Секретарь Отдѣла А. И. Кельсievъ, Предсѣдатель Этнографическаго Отдѣла Н. А. Поповъ, Предсѣдатель Правленія Политехническаго Музея Д. А. Наумовъ, Почетный Членъ О. А. Федченко, Члены Общества, Отдѣла и Комитета: Е. А. Покровский, Н. Ю. Зографъ, В. М. Шимкевичъ, П. И. Митрофановъ, П. Л. Борхардтъ, В. А. Гусевъ, А. В. Воейковъ, Г. Г. Зандбергъ, И. И. Севрюгинъ, В. О. Миллеръ, Н. В. Насоновъ и Секретарь Общества и Комитета А. А. Тихомировъ.

1) А. И. Кельсievъ представилъ окончаніе своего отчета по раскопкамъ въ Ярославской и Тверской губерніяхъ, произведенныхъ имъ по порученію Комитета лѣтомъ 1878 года:

В. Нѣкоторые общіе выводы. Не считая кладбища въ пустоши Рождествено, содержащаго въ себѣ несомнѣнно православныхъ покойниковъ, собственно языческихъ кладбищъ въ теченіи лѣта раскопано мною всего 8: въ Ярославскомъ уѣздѣ 1 (Тимерево), въ Угличскомъ уѣздѣ 6 (Кирыново, Кирыново, Васильково, Челганово, Вороново и Стромны), въ Корчевскомъ уѣздѣ 1 (Заборье). Изъ нихъ въ первомъ Кирыновѣ, Вороновѣ и Стромны могилы вскрыты всѣ безъ остатка, въ Заборьи и Тимеревѣ сдѣланы довольно основательныя развѣдки, въ остальныхъ произведены только пробы, но достаточно убѣждающія въ ничтожномъ содержаніи могилъ. По числу могилъ и результатамъ раскопокъ кладбища располагаются въ такую таблицу:

Деревни.	Могила.		Получено.	
	Всего.	Вскрыто.	Череп.	Скелет.
Большое Тимерево	200?	34	2	"
Заборье	80?	42	22	2
Кирыново первое	57	38	26	9
Челганово	30?	6	"	"
Вороново	21	21	16	6
Васильково	11	5	"	"
Кирыново второе	10?	4	"	"
Стромны	7	7	4	2
Итого		157	70	19

т. е. изъ числа погребенныхъ только 44,5 процента сохранили черепа, годные къ измѣренію: отношеніе, близкое къ получавшемуся и при другихъ курганныхъ раскопкахъ.

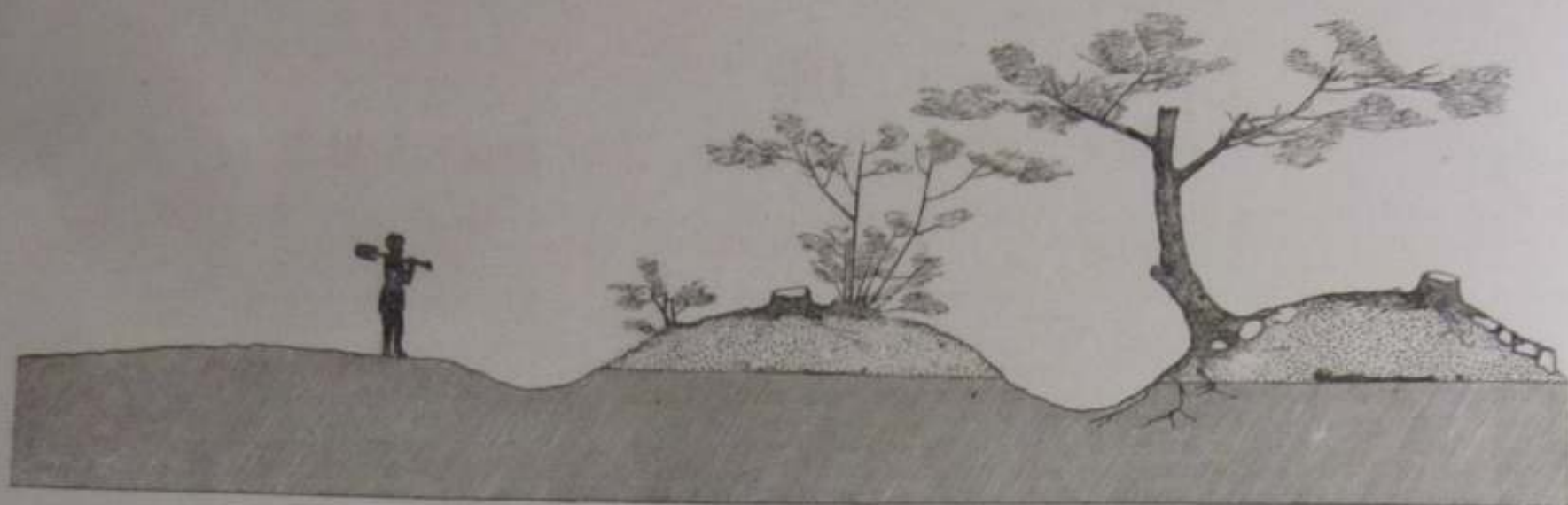
Курганы, насколько можно по простотѣ 8—9 вѣковъ судить объ ихъ архитектурѣ, имѣютъ форму шароваго сегмента или усѣченного конуса, иногда по боковой поверхности выложены камнями и у самой подошвы обнесены канавой, вынутая изъ коей земли и служила къ насыпкѣ кургана. Такія канавы особенно хорошо сохранились при нѣкоторыхъ, преимущественно крупныхъ, могилахъ въ Тимеревѣ, Заборьи и Челгановѣ. Въ прочихъ мѣстностяхъ отъ канавъ остались только отдѣльныя ямы. Въ тѣсно сгущенныхъ кладбищахъ промежутки между курганами вообще ниже нормальнаго уровня полей, окружающихъ кладбище, изъ чего слѣдуетъ, что земля для засыпанія покойниковъ бралась на мѣстѣ, а не приносилась издалека; что для сооруженія большихъ холмовъ вокругъ кургана вырывались ямы; что уровень подошвы кургана опускался ниже нормальнаго уровня почвы, на который былъ положенъ трупъ, и что покойникъ такимъ образомъ оказывался погребеннымъ не на днѣ кургана, а въ срединѣ его. Таковой пріемъ погребенія мнѣ удалось обнаружить безъ исключенія во всѣхъ кладбищахъ Ярославскаго и Угличскаго уѣздовъ. Не здѣсь ли причина предположеній нѣкоторыхъ прежнихъ изслѣдователей, что трупъ полагался не прямо на почву, а на предварительное сдѣланное возвышеніе. Въ Корчевскомъ уѣздѣ при д. Заборьи для нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ труповъ вырывалась предварительная яма. Поперечники кургановъ вообще колеблются между 2—5 саженьми, высота между 1—2 арш. Только въ д. Заборьи отмѣчены два кургана высотой слишкомъ 3 аршина.

Кладбища обыкновенно заросли деревьями. Почти вслѣдъ крестьяне свидѣтельствовали, что прежде на курганахъ стоялъ лѣсовъ, рубившійся уже на памяти стариковъ. Названія д. Заборье и горы Роща въ Вороновѣ при отсутствіи лѣсовъ характерны. Эти лѣса, существовавшіе внѣшней сохранности кладбищъ, свидѣлствуютъ въ тоже время о глубокой древности послѣднихъ: во время образованія кладбищъ мѣстность была обожженная, иначе невозможно было бы насыпать холмовъ, что уже само по себѣ составляло не легкій трудъ, потому что приходилось поднимать материкъ. Вѣроятно, каждый курганъ имѣлъ на верху какой нибудь деревянный знакъ; врядъ

ли современное возмущение въ верхушку могильной насыпи креста, голубца, лопаты (рукояткой вниз) или постройкой деревяннаго домика стали употребляться лишь со введеніемъ христіанства.

Всѣ раскопанныя мною кладбища расположены на возвышенностяхъ и имѣютъ склонъ почти въ одну сторону, именно:

Б. Тимерево къ ЮЗ. и СЗ. Вороново къ Ю.
Кирьяново " 3. Стромны " ЮЗ.
Челганово " 3. Заборье " ЗЮЗ.
Васильково " 3.

Съ кладбищъ въ ту же сторону открывается обширный видъ на десѣтокъ и болѣе верстъ, и всегда на раскопкахъ, тамъ, гдѣ не мѣшала лѣсъ, мнѣ приходилось при окончаніи работъ любоваться картиной заката солнца. Это топографическое сходство кладбищъ врядъ ли справедливо, какъ увидимъ тоже, истолковывать простою случайностью.

Въ отчетахъ о курганныхъ раскопкахъ положеніе трупа заурядъ опредѣляется направлениемъ ногъ и изслѣдователь лишь отмѣчаетъ, что костякъ оказался ногами или лицомъ на В., СВ., ЮВ. и т. д. Мои собственные наблюденія, по ограниченности ихъ числа, хотя не вносятъ новаго свѣта въ эту сторону древняго погребальнаго обычая, тѣмъ не менѣе не лишены значенія и даютъ мнѣ право разобрать вопросъ подробно.

Изъ таблицъ при вышеприведенныхъ протоколахъ видно, что только въ одномъ Кирьяновѣ ноги покойниковъ были направлены прямо къ В.; въ Тимеревѣ, изъ ясныхъ 9 случаевъ, въ четырехъ является нѣкоторое отклоненіе къ ВСВ.; въ Стромнѣ же, Вороновѣ и Заборьѣ большинство костяковъ уложено ногами на ЮВ. *). Изъ всѣхъ отмѣченныхъ 106 случаевъ, числа направлений распредѣляются между точками горизонта такимъ образомъ:

СВ.	ВСВ.	В.	ВЮВ.	ЮВ.	ЮЮВ.	Ю.
0	6	47	7	43	8	0

Въ этомъ исходи, даже отъ временъ каменнаго вѣка, укоренившемся обыкновении придавать трупу направленіе поперечное къ меридіану, обыкновенно усматривается намѣреніе направить къ восходу лицо усопшаго, дабы въ великое утро всеобщаго воскресенія мертвыхъ, знаменіемъ коего служить ежедневный восходъ (пробужденіе) наканунѣ почившаго солнца, животворящіе лучи Адоуа,

*) Въ Кирьяновѣ направленіе опредѣлялось хотя по компасу, но безъ особаго тщанія: а тогда еще не руководился сознаниемъ важности этого наблюденія, можетъ быть потому кирьяновскія отмѣтки представляютъ мало характернаго. Во всѣхъ прочихъ курганахъ компасъ ставился на остовъ (на тавъ или между козлѣхъ) къ удаленію отъ желѣзныхъ предметовъ (ножа, пряжки) и линія 00 направлялась по позвоночному столбу. До записи показанія стрѣлки полезно нѣсколько разъ вывести изъ покоя.

освѣтитъ очи и ликъ мертвеца, удобіе пробудили бы его. Непараллельность же костяковъ и ихъ значительныя отклоненія отъ астрономическаго Востока въ ту или другую сторону давали поводъ изслѣдователямъ отмѣчать въ дневникѣ, что костякъ обнаруженъ лежащимъ лицомъ (т. е. ногами) на зимній или лѣтній восходъ, чѣмъ какъ бы намекалось о возможности опредѣлять время года погребенія. Безразлично ли относились древніе инородцы верхняго Приволжья къ этой сторонѣ погребальнаго обряда и удовлетворились ли лишь укладываніемъ мертвеца въ направленіи поперечномъ къ меридіану, мало заботясь о томъ, въ какую точку восточной стороны приходится его ноги—вопросъ остается открытымъ за отсутствіемъ въ прежнихъ изслѣдованіяхъ рядовъ точныхъ наблюденій. Наблюденія же эти не лишены интереса съ чисто антропологической точки зрѣнія, представляя возможность приуроченіемъ погребеній къ тому или другому мѣсяцу внести нѣкоторый свѣтъ въ статистику смертности по временамъ года, численности племени и даже въ санитарныя условія его быта. Въ желаніи поставить вопросъ для себя и для будущихъ изслѣдователей на строго научную математическую основу я просилъ уважаемаго члена О. Л. Е. протоіерея П. И. Капустина опредѣлить какими именно мѣсяцамъ соответствуютъ какіе азимуты *) восхожденія солнца для с. ш. 57° 30', подъ которой приблизительно расположены Угличскій и Ярославскій уѣзды. Ниже приведенная въ его письмѣ таблица вообще можетъ быть на будущее время съ пользою примѣняема въ лежащихъ подъ тою же широтою губерніяхъ: Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской, Вятской и Пермской.

П. И. Капустинъ сообщаетъ слѣдующее: «Азимуты восхожденія солнца вычисляются по слѣдующей формулѣ

$$\cos. \text{ азимута} = - \frac{\sin. \text{ склоненія}}{\cos. \text{ широты}};$$

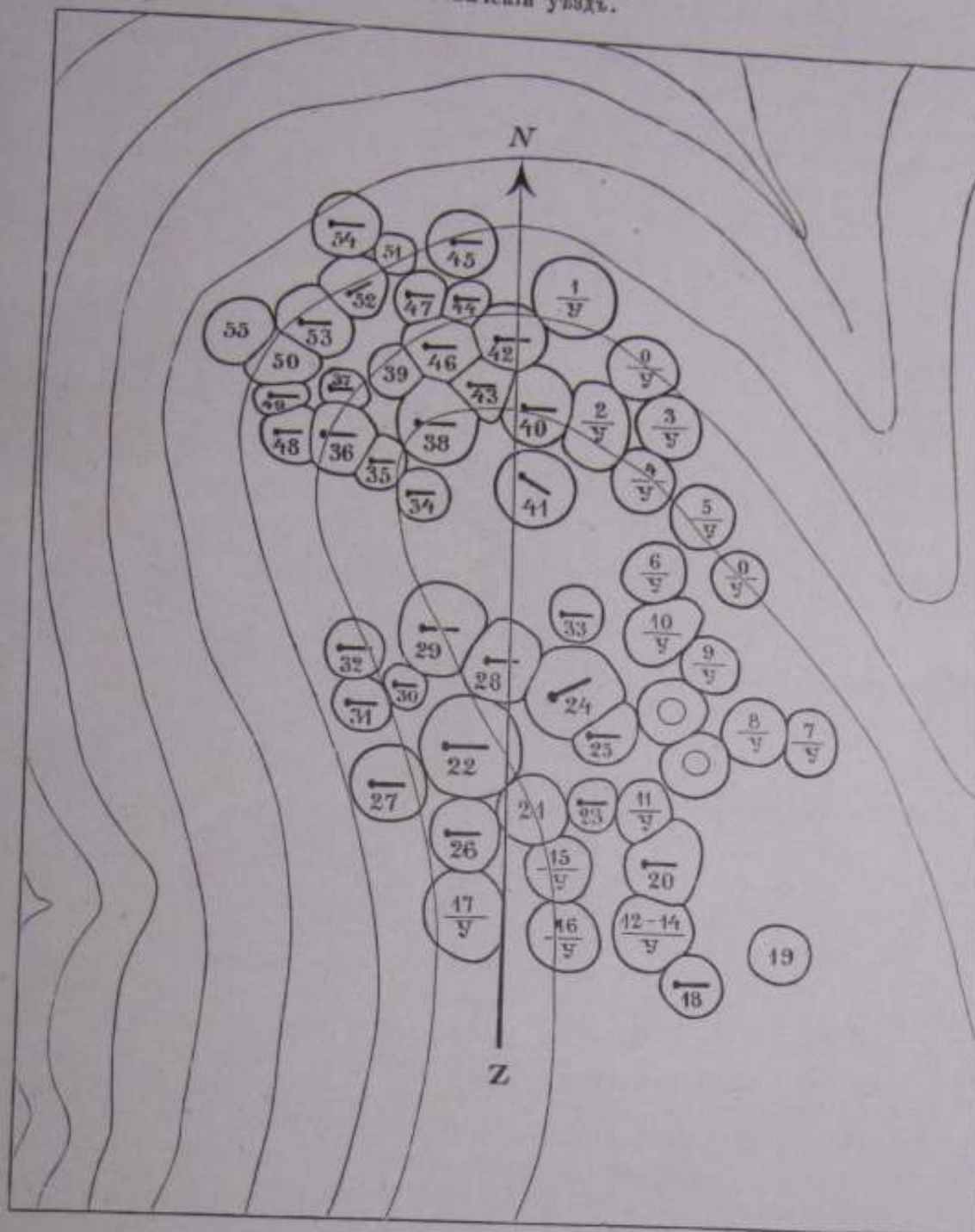
если склоненіе солнца южное, то полученную дугу нужно вычесть изъ 180°.

«Для сѣверной широты 57° 30' приблизительныя величины азимутовъ восходящаго солнца, изъ вышеприведенной формулы, въ началѣ и срединѣ каждаго мѣсяца, по старому стилю, представляютъ рядъ, помѣщенный во второмъ столбцѣ таблицы.

*) Азимутъ называется уголъ между С. и всякой данной точкой горизонта.

Угличский уезд.

Раскопки.

Курганное кладбище при д. Кирьяновой раскопки Я. А. Ушакова (черточки означают направление костяков)

Мѣсяцы.	Азимутъ или уголъ между С. и восходомъ.	Уголъ между В. и восходомъ.	Сторона восхода.
Январь 1. . .	136° 42'	Ю. 46° 42'	ЮВ.
15. . .	126 10	Ю. 36 10	ЮВ.
Февраль 1. . .	116 15	Ю. 26 15	ВЮВ.
15. . .	105 0	Ю. 15 0	В.
Мартъ 1. . .	93 44	Ю. 3 44	В.
15. . .	84 46	С. 5 14	В.
Апрѣль 1. . .	72 48	С. 17 12	ВСВ.
15. . .	63 16	С. 26 44	В.
Май 1. . .	53 45	С. 36 15	В.
15. . .	47 15	С. 42 45	СВ.
Іюнь 1. . .	42 45	С. 47 15	СВ.
15. . .	42 35	С. 47 25	СВ.
Іюль 1. . .	46 20	С. 43 40	СВ.
15. . .	52 35	С. 37 25	СВ.
Августъ 1. . .	62 10	С. 27 50	ВСВ.
15. . .	71 17	С. 18 43	В.
Сентябрь 1. . .	83 16	С. 6 44	В.
15. . .	93 25	Ю. 3 25	В.
Октябрь 1. . .	105 0	Ю. 15 0	ВЮВ.
15. . .	114 45	Ю. 24 45	ВЮВ.

Ноябрь 1. . .	125 18	Ю. 35 18	
15. . .	132 18	Ю. 42 18	
Декабрь 1. . .	137 8	Ю. 47 8	ЮВ.
15. . .	137 35	Ю. 47 35	

Изъ третьяго столбца таблицы замѣчаемъ, что разница между пунктами лѣтняго и зимняго восходовъ солнца для данной широты совѣтъ не маловажна, превосходить даже прямой уголъ и достигаетъ 95°; слѣдовательно наши инородцы, видимо сообразовавшіеся при погребеніяхъ съ естественнымъ обращеніемъ солнца, не замѣчать ее не могли. Разница между азимутами восхода и заката солнца, при наиболѣе быстромъ равноденственномъ измѣненіи склоненія для данной широты и одного и того же дня, не превосходить 25', потому относительно нашихъ цѣлей можетъ быть пренебрежена.

Примѣняя сюда ходячее толкованіе о направленіи лица покойника, мы приходимъ къ неожиданному заключенію, что лѣтомъ погребеній совѣтъ не было, половина похоронъ приходилась на май и сентябрь, а остальная половина на глухую зиму—на ноябрь, декабрь и январь мѣсяцы. Насыпанье кургановъ при трескучихъ морозахъ и глубокихъ снѣгахъ древней Россіи, является столь невѣроятнымъ выводомъ, что нельзя оставлять безъ вниманія малѣйшую

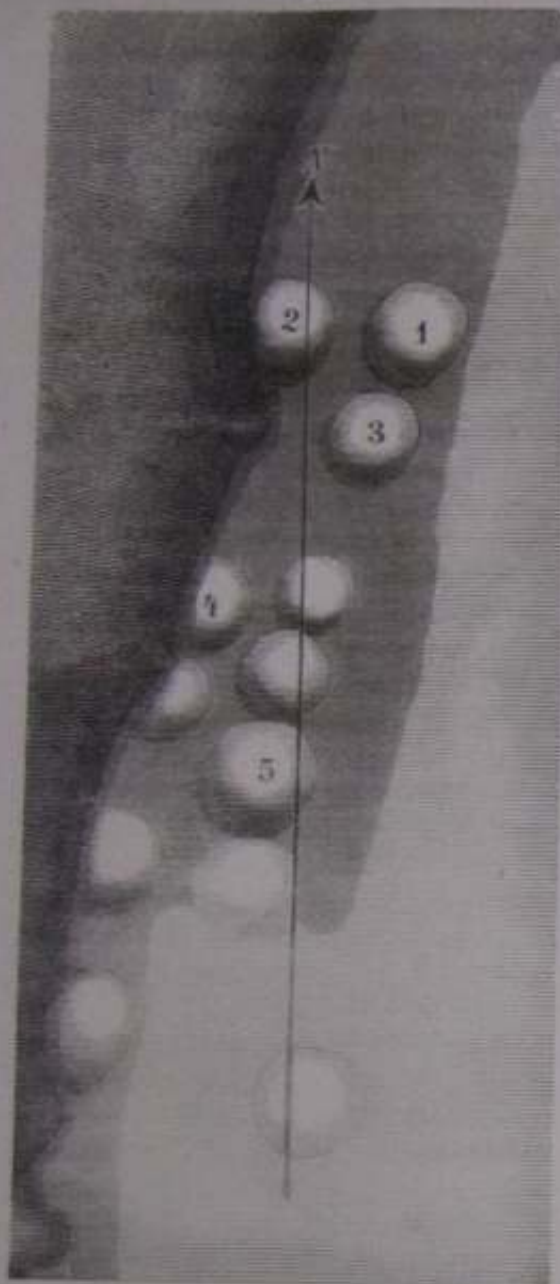
возможность, доказать его ошибочность, высказать средства и пути къ другому заключенію.

Приравнявая, на достаточномъ основаніи, условія мерянаго быта въ прежнемъ суровомъ климатѣ къ жизни нынѣшнихъ обитателей сѣверныхъ предѣловъ Россіи, и собравъ нѣкоторые примѣры того, какъ зимніе холода иногда вынуждаютъ, даже при современныхъ средствахъ,

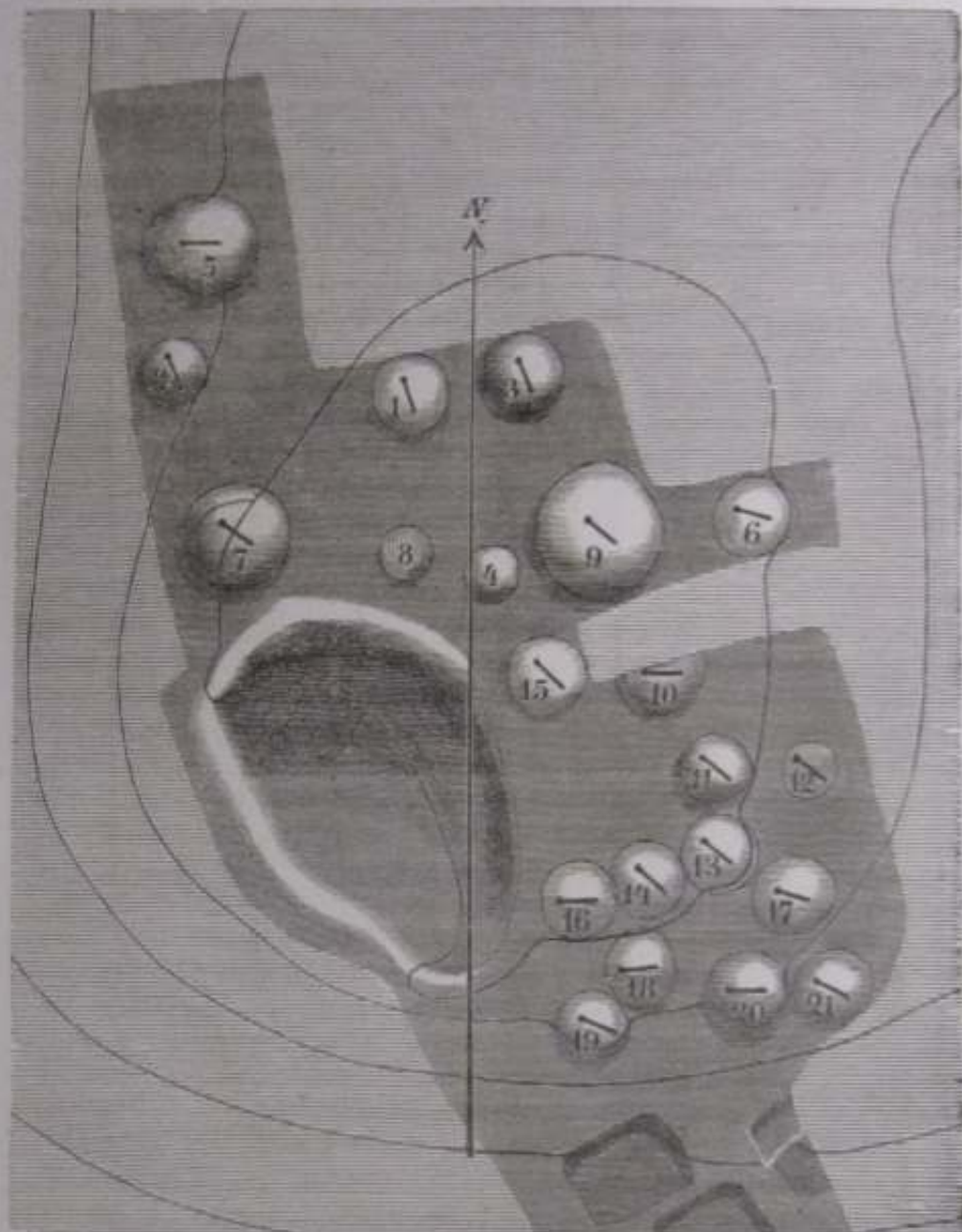
откладывать похороны умершихъ зимою до весеннихъ оттепелей. Письмо О. М. Августиновича, если и не подтверждаетъ прямо мое предположеніе, тѣмъ не менѣе по интересу сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній констатируется здѣсь съ совершенной признательностью за нихъ къ уважаемому автору.

Угличскій уѣздъ

Угличскій уѣздъ

Курганы Васильковскіе

Курганы Вороновскіе

О. М. Августиновичъ сообщаетъ слѣдующее: «Очень жалѣю, что въ бытность мою въ Амурскомъ край, на островѣ Сахалинѣ и въ Иркутской области, я не обратилъ на интересующій насъ вопросъ достаточнаго вниманія; судя однакожъ по разсказамъ инородцевъ, я прихожу къ мысли, что въ древности, когда всѣ эти племена были идолопоклонниками, захороненіе труповъ въ землю, не только зимою, но и лѣтомъ было общепринято. Ограничусь двумя ближе извѣстными мнѣ примѣрами.

«Чукчи, обитающіе въ самой сѣверной и сѣверо-восточной части Иркутской области, не держатъ труповъ ни минуты въ своихъ походныхъ юртахъ, а тотчасъ послѣ смерти везутъ ихъ на оленяхъ въ горы и тамъ сожигаютъ, либо оставляютъ на поверхности земли, смотря по завѣщанію умершаго. Чукчи вѣруютъ переселенію душъ послѣ смерти за дурные поступки въ нѣкоторыхъ животныхъ, особенно въ оленя, лошадь и собаку. При сожиганіи трупа они наблюдаютъ направленіе дыма отъ костра, поднимается ли онъ прямо вверхъ или разстилается надъ поверхностью земли. Въ первомъ случаѣ душа покойника

идетъ къ солнцу, которому они поклоняются, какъ высшему богу; во второмъ, — душа остается на землѣ и переходитъ въ какое нибудь животное, только не въ волка. Волкъ пользуется у Чукчей большимъ почетомъ. Онъ служитъ имъ представителемъ смѣлости, храбрости и неустрашимости, самыхъ высокихъ, по ихъ понятіямъ, добродѣтелей; поэтому оставленіемъ трупа на свѣденіе волкамъ оказывается честь покойнику.

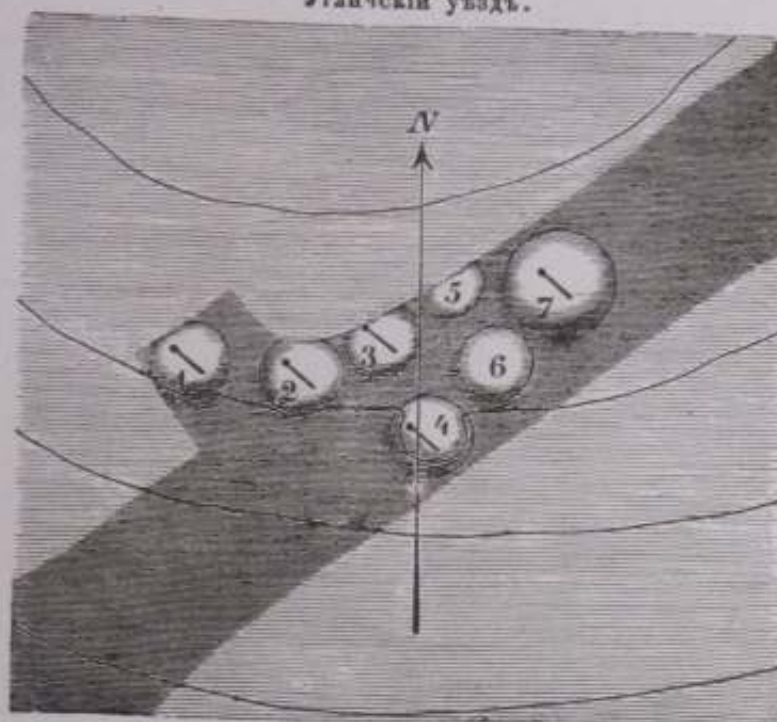
«Гилаки, проживающіе въ большомъ удаленіи отъ Чукчей на средней части острова Сахалина и въ низовьяхъ Амура, хоронятъ тѣло покойника не прежде истеченія мѣсяца послѣ смерти. Тѣмъ временемъ оно помѣщается въ пустой юртѣ, куда приходятъ прощаться родные и знакомые, живущіе иногда верстъ за 500 и далѣе. Члены семейства, впродолженіи этого мѣсяца, выражаютъ свою печаль тѣмъ, что женщины распускаютъ косы, а мужчины отрѣзываютъ отъ своихъ косъ малую часть волосъ. Гробы выдалбливаютъ изъ цѣльнаго дерева въ видѣ глубокаго корыта, но безъ крыши, и уложивъ въ него покойника, отвозятъ на какой-либо отдаленный пригорокъ,

каѣ и прикрываютъ его вѣтвями деревь, мохомъ, травою, а поверхъ всего кладутъ нарту и нѣкоторые предметы изъ домашней рухляди покойника. Если же задумается похоронить трупъ въ землю, то для этого роютъ яму глубиною менѣе, чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ арш., и туда помѣщаютъ гробъ, такъ что края его приходятся въ уровень съ поверхностью земли. Затѣмъ усопшаго прикрываютъ, какъ и въ первомъ случаѣ. Такихъ могилъ я видѣлъ очень много на островѣ Сахалинѣ въ 1871—72 г. во время ботаническихъ экскурсій. Принимая въ соображеніе, что въ сред-

ней части Сахалина (50° — 52° с. ш.), какъ равно, и въ Амурскомъ краѣ, температура не опускается ниже 25° и что Гиляки хоронятъ покойниковъ одинаковымъ способомъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ, описанный способъ долженъ составлять не климатическую, но этнографическую черту. Все инородцы Якутской области, какъ-то, Якуты, Тунгусы, Юкагиры, Ламуты, Чуваши и Омоки, съ принятіемъ христіанства хоронятъ покойниковъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ по православному обряду на третій день, опуская гробъ въ могилу, глубиною не болѣе аршина.

Угличскій уѣздъ.

Курганы Строминскіе

Вслѣдствіе суровости климата, трупъ, обнаруженный случайно черезъ 15—20 лѣтъ послѣ погребенія, оказывается мерзлымъ и неразложившимся.

При своемъ путешествіи по русской Лапландіи въ 1877 г. мнѣ удалось собрать свидѣтельства туземцевъ, что если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ удаленныхъ и малолюдныхъ поселеніяхъ Лопари, и даже русскіе колонисты, такъ затрудняются преданіемъ землѣ своихъ покойниковъ въ снѣга и морозы, что умершихъ зимою, уложивъ ихъ въ гробъ, выносятъ просто въ сѣни или чуланъ, берегутъ тамъ до оттепели и только въ апрѣлѣ или маѣ зарываютъ ихъ въ землю.

Наконецъ въ книгѣ М. К. Сидорова *Сѣверъ Россіи*, 1870, на стр. 290, приведены слѣдующія подробности о печальномъ происшествіи съ купцомъ Лантуковымъ зимою съ 1850 на 1851 г. на берегу Енисея въ 660 в. ниже г. Туруханска. Г. Сидорову рассказывали: «у Лантукова умеръ одинъ изъ нашихъ инородцевъ. Земля здѣсь оттаиваетъ лѣтомъ не болѣе какъ на одинъ аршинъ, а осенью послѣ проливныхъ дождей смерзается и превращается въ массу до того плотную, что мѣстными средствами нельзя сдѣлать достаточнаго углубленія, чтобы похоронить покойника. Если иногда и наносятъ снѣгу на четверть аршина, то его сдуваютъ вѣтры. Гробовъ здѣсь не дѣлаютъ за неимѣніемъ лѣса, а кладутъ покойниковъ прямо на землю, увозя ихъ подальше отъ жилищъ; трупы большею частію сѣдаются хищными звѣрьми. Почтенный Лантуковъ изъ уваженія къ праху покойника положилъ его на время въ свой амбаръ, чтобы при первой возможности похоронить его съ честью и по христіанскому обряду. Мѣстный засѣдатель Крыжиблоскій, узнавши о непогребенномъ мертвомъ тѣлѣ, потребовалъ свидѣтельстванія покойника, и на бѣду Лантукова оказалось, что песцы, которыхъ въ Туруханскомъ

краѣ очень много, прогрызли уголъ амбара и обѣли лицо покойника.» Засѣдатель, воспользовавшись этимъ случаемъ, съ казаками ограбилъ Лантукова, обвинилъ его въ убійствѣ и заключилъ въ тюрьму. Лантуковъ вскорѣ умеръ отъ горя.

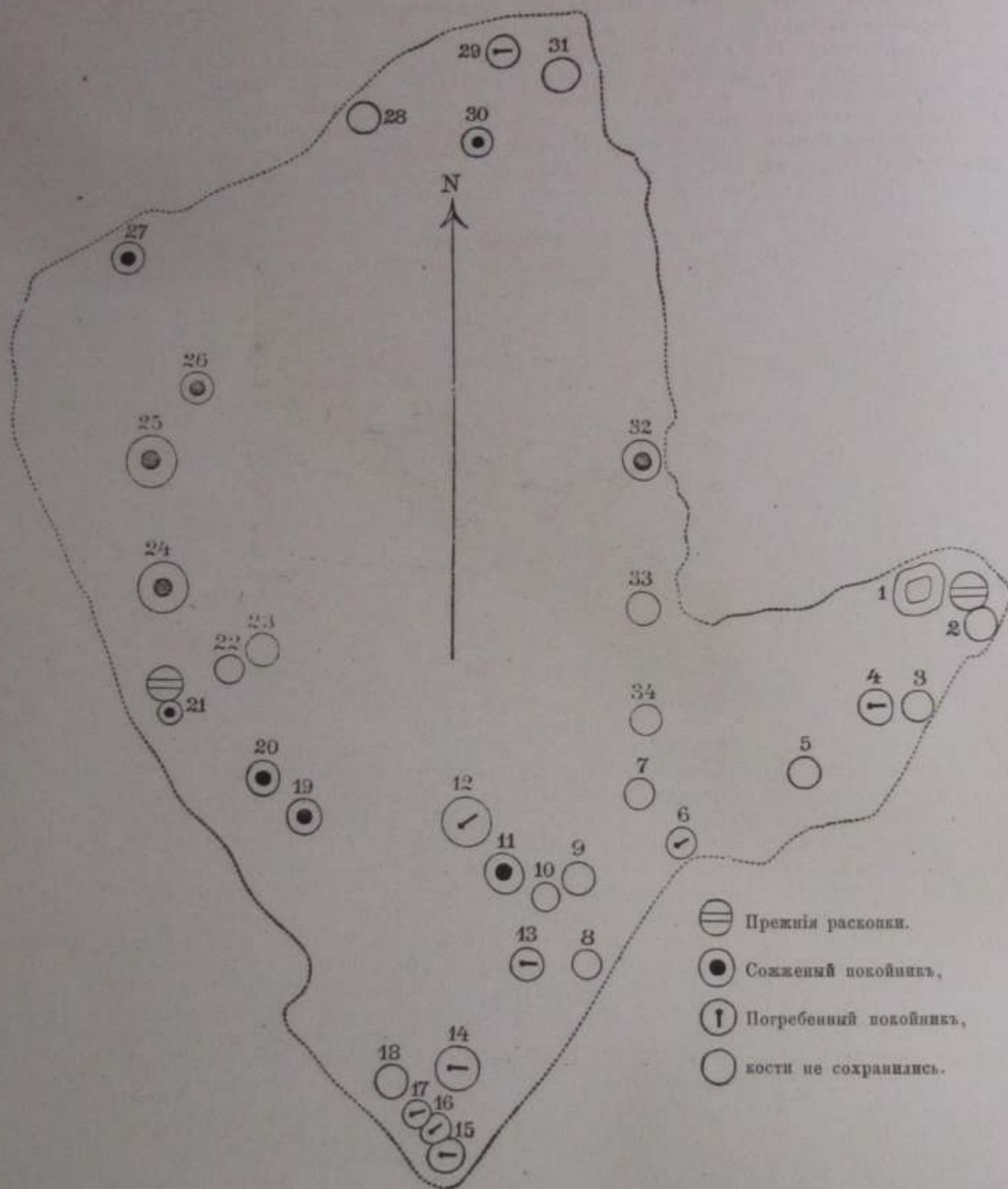
Въ частномъ письмѣ ко мнѣ, по поводу того же вопроса, М. К. Сидоровъ говоритъ: «на сѣверѣ Сибири и нынѣ еще существуетъ это обыкновеніе; русское купечество вообще платится не мало за то, что не хоронитъ зимою даже и православныхъ; это извѣстно изъ полицейской практики. Весьма вѣроятно, что инородцы въ древности также не хоронили зимою покойниковъ.»

Въ такія условія сѣверная природа ставитъ исполнителя обряда по православному способу, гдѣ приходится расчистить снѣгъ и пробить въ землѣ углубленіе на пространствѣ лишь трехъ квадр. аршинъ. При погребеніи по изыскаемому способу, даже полагая скромные размѣры кургана, діаметромъ въ 8 арш. и окружную канаву для выемки земли шириною въ $1\frac{1}{2}$ арш., имѣемъ по геометрическимъ формуламъ площади круга (діам. 11 арш.) и площади кроны (рад. = 4 арш. и рад. = $5\frac{1}{2}$ арш.), что снѣгъ надо расчистить на пространствѣ 95 квадр. аршинъ и начать углубленіе земли на пространствѣ почти 45 квадр. аршинъ, что уже одно слишкомъ въ пятнадцать разъ увеличиваетъ трудъ сравнительно со способомъ христіанскимъ. Для сооруженія (очень не рѣдкихъ) кургановъ діаметромъ въ 6, или вмѣстѣ съ канавою въ 7 сажень, приходилось бы расчистить снѣгъ на пространствѣ слишкомъ 35 квадратныхъ сажень и поднимать мерзлую землю на пространствѣ 12 кв. сажень. Населеніе бѣдное, мирное и независимое, сидѣвшее (судя по числу могилъ въ каждомъ кладбищѣ) небольшими поселками, врядъ ли стало бы добровольно предпринимать зимою столь тяжкія работы.

Такъ или иначе, но съ другой стороны конечно пер-

Дрославскій уѣздъ.

Курганное кладбище при д. Большое Тимерево.

воытные народы были достаточно наблюдательны по отношенію къ главнымъ предметамъ своего поклоненія—небу и солнцу, и, присутствуя въ большомъ числѣ на торжественныхъ погребальныхъ обрядахъ, не оставались индифферентны къ тому, согласно или не согласно съ ихъ вѣрованіями и исконными обычаями уложенъ на поверхности земли чуждый мертвецъ. Всякая ошибка могла быть удобно исправлена, не такъ какъ при современномъ способѣ, гдѣ направленіе гроба зависитъ лишь отъ усмотрѣнія одного—двухъ наемныхъ землеконовъ. Все это побуждаетъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію вопроса.

Вникая въ выше изложенныя соображенія, при допущеніи вѣроятности погребеній въ зимніе мѣсяцы,

убѣждаемся, что направленіе лица (или ногъ) мертвецовъ не имѣетъ никакого соотношенія и съ лѣтними восходами солнца. $3+43+7=53$ покойника уложены почти перпендикулярно къ направленію въ ту сторону, откуда солнце восходитъ въ іюні; изъ всѣхъ 106 покойниковъ не оказывается ни одного обращеннаго ногами въ ту сторону, откуда солнце восходитъ между апрѣлемъ и августомъ. Значитъ ли такое систематическое уклоненіе, что лѣтомъ люди не умирали и не хоронились?

Всѣ вышеизложенныя затрудненія совершенно исчезаютъ, если сдѣлать допущеніе, что люди, хоронившіе своихъ мертвецовъ въ курганахъ, опредѣляли на горизонтѣ мѣсто не восхода, а заката солнца, наблюдали не за обращеніемъ

къ востоку лица умершаго, а укладывали трупъ по направлению лучей заходящаго солнца, головой, т. е. теменемъ, на западъ. Я не могъ предпринять на себя трудъ подтвердить эту гипотезу недостаточно мнѣ знакомыми въро-ваніями и мифологіей древнихъ финновъ. Тѣмъ не менѣе въ бывшихъ у меня подъ рукою трудахъ А. А. Котляревскаго, *Поиски Обычаи языческихъ славянъ*, и покойнаго Афанасьева, *Воззрѣнія славянъ на природу*, есть нѣкоторыя мѣста непротиворѣчающія сдѣланному допущенію. Г. Котляревскій на стр. 176 обстоятельно развиваетъ древне азіатское воззрѣніе на сходство между дневнымъ обращеніемъ солнца и жизнью человѣка, между закатомъ и смертію, и далѣе на стр. 223 приводитъ рядъ свидѣтельствъ, что у языческихъ славянъ обрядъ погребенія совершался до захода солнца. „Зашедшу солнцу, говорить памятники XII в., не достоинъ мертвеца хоронити, но тако погresti, яко еще высоко: то бѣ послѣднее видѣть солнце до общаго воскресенія“. „Сербы хорваты передъ опущеніемъ тѣла въ могилу открываютъ гробъ, чтобы его огрѣло яркое солнце. Солнце служило для язычника указаніемъ дороги въ страну отцовъ“. Повидимому подобныя воззрѣнія были не чужды и инородческимъ племенамъ сѣверной Россіи. У Афанасьева, т. I, стр. 180—5, читаемъ также много уподобленій заходящаго солнца умирающему человѣку. „Гдѣ умирало солнце, туда, казалось древнему человѣку, удалялись и всѣ усопшіе предки“. Кириллъ Туровскій въ одномъ изъ поученій прямо выражается, что „мука душъ грѣшныхъ далече міра есть на западѣ“. Не лишены интереса тамъ же у Афанасьева приведенныя народныя примѣты, по коимъ „если принесенный коровою теленокъ ляжетъ на землю головой къ востоку, то онъ вырастетъ, а если на западъ, то непременно надетъ; также если жеребенокъ рѣзнется на пастбищѣ вечеромъ при закатѣ солнца, то его въ теченіи года съѣстъ волкъ“ и т. п.

Насколько возможно сопоставить сѣверныя курганы съ южнорусскими дольменами, не слѣдуетъ упустить изъ вида и того, что въ послѣднихъ, если пробито отверстіе, то всегда къ западу; это вновь подтверждено В. И. Чернявскимъ по отношенію къ большому дольменному кладбищу близъ Анапы на Кавказѣ (*Протоколы Антропол. Виставки*, т. II, стр. 203).

Замѣченный мною склонъ всѣхъ курганныхъ кладбищъ къ западу, или по крайней мѣрѣ открытый съ нихъ видъ къ западной сторонѣ горизонта, говоритъ весьма въ пользу сдѣланнаго предположенія. Наоборотъ, восточная сторона кладбищъ прикрыта возвышенностями, водораздѣлами, такъ что не представляется возможности вѣрно распознать точку восхода солнца, чѣмъ косвенно и доказывается, что опредѣленіе этой точки не было нужно при похоронномъ обрядѣ. Потому, слѣдя по стрѣлкамъ чертежей за направлениемъ головъ скелетовъ, опредѣляемъ, что ровно половина всѣхъ погребеній была произведена лѣтомъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ отъ апрѣля до августа, другая половина приходится на ближайшіе четыре мѣсяца: два весенніе—февраль и мартъ и два осенніе—сентябрь и октябрь. Въ остальные же три зимніе мѣсяца, ноябрь, декабрь и январь, когда земля скована морозами и покрыта снѣгомъ—погребеній совсѣмъ не было. Съ трупами умершихъ зимою могли поступать двоякимъ образомъ. Такъ какъ не было въ обычаѣ оставлять трупы на сѣденіе дикимъ звѣрямъ, то ихъ не вывозили на кладбище и берегли до весны дома. Бревна и доски, которыми сверху были прикрыты нѣкоторые костяки, не могутъ быть истолкованы, какъ защита отъ звѣрей до оттепели, иначе зимнее укладываніе трупа было бы обнаружено его направлениемъ ЮЗ.—СВ., чего ни разу не наблюда-

лось. Сохраненіе труповъ до весны (не здѣсь ли начало множеству практикуемыхъ весеннихъ обрядовъ и суевѣрій по отношенію къ усопшимъ?) могло бы быть доказано лишь длинными рядами наблюденій, выясняющихъ, что число погребеній головою на З. превосходитъ въ $1\frac{1}{2}$ или въ 2 раза число погребеній на СЗ.

Давно доказанное одновременное существованіе на практикѣ двухъ различныхъ способовъ похоронъ: трупопогребенія и трупожиганія (гр. Уваровъ, *о существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ могилъ*) даетъ поводъ ко второму предположенію: нельзя ли это явленіе истолковать различіемъ обрядовъ зимнихъ и лѣтнихъ. Весьма естественно желаніе сбросить съ рукъ зимою мертвое тѣло, уничтоживъ его помощью огня. Большой костеръ притомъ согрѣвалъ присутствующихъ, растоплялъ снѣгъ, оттаивалъ землю и обуславливалъ возможность сооруженія хотя основы кургана*).

Я привелъ здѣсь эти соображенія лишь по нравственной обязанности передъ Комитетомъ представить собранный матеріалъ въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ и не намѣренъ защищать изложенной гипотезы. Высказываюсь здѣсь кстати на необходимость дополненія изданныхъ Комитетомъ инструкцій курганныхъ раскопокъ статью, рекомендуемою изслѣдователямъ представлять въ ученія Общества протоколы своихъ работъ не въ видѣ лишь сырого неудобочитаемаго матеріала, но непременно съ приложеніемъ систематической группировки всѣхъ родовъ произведенныхъ наблюденій, съ итогами и осмысленнымъ освѣщеніемъ цифръ. Только при этихъ условіяхъ трудъ изслѣдователя составляетъ вкладъ въ науку, становится достояніемъ ученаго міра. Мнѣ кажется, что нельзя назвать удачными командировки, если лица, получающія порученія, заявляютъ себя столь равнодушными къ вопросамъ науки, что не интересуются даже выяснять самимъ себѣ результаты собственныхъ трудовъ. Къ глубокому сожалѣнію ученая дѣятельность послѣднихъ годовъ представила нѣсколько такихъ примѣровъ. Когда же изслѣдователь—практикъ знаетъ, что кромѣ представленія дневника, онъ обязанъ отвѣтить на опредѣленное количество вопросовъ, то при каждомъ отдѣльномъ фактѣ онъ будетъ дѣлаемыя замѣчанія разносить по рубрикамъ, а этимъ обезпечивается полнота наблюденій, напрыгается зоркость и облегчается самый трудъ подведенія итоговъ.

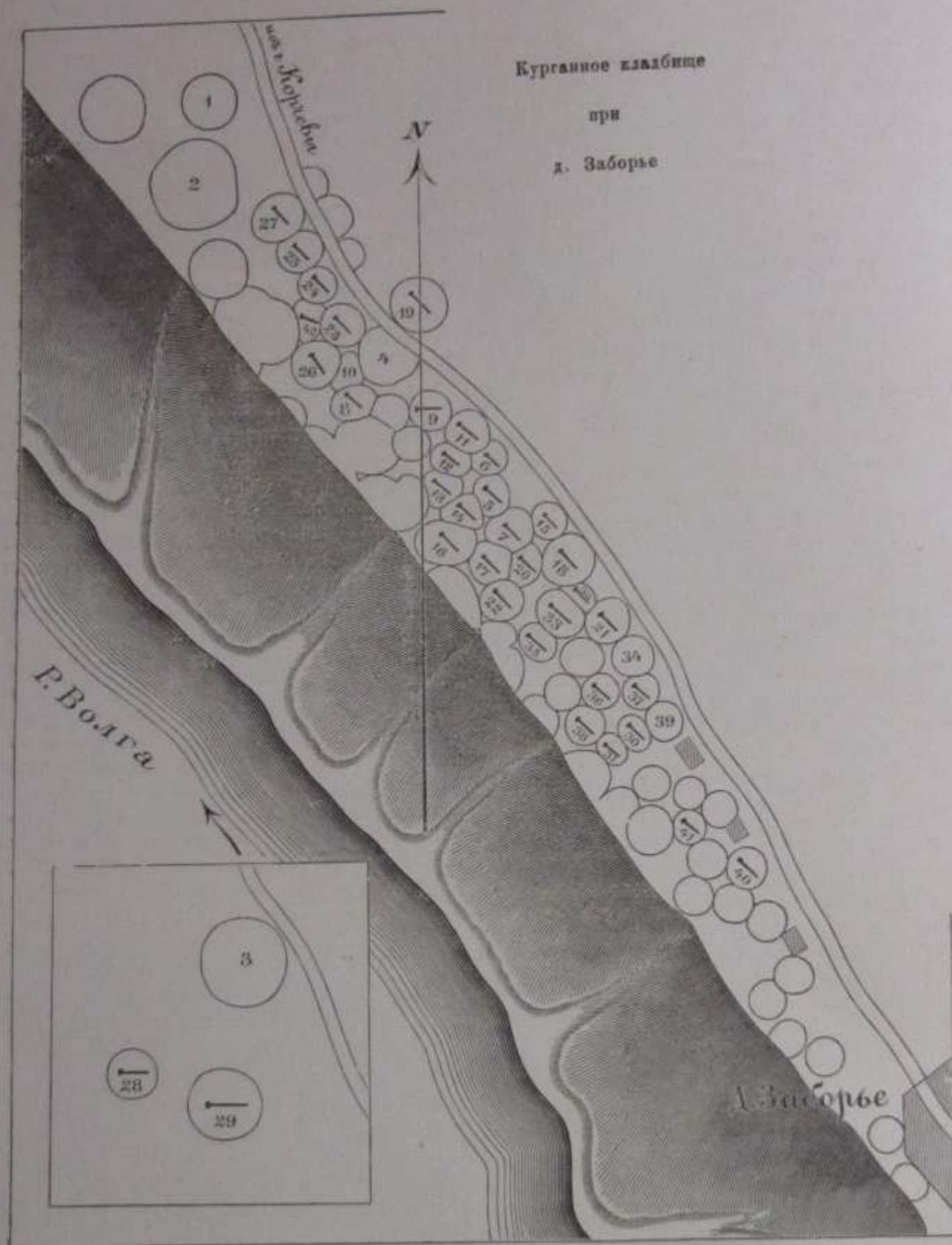
Выше я уже имѣлъ случай высказать предположеніе, что доски съ корою находимыя сверху и снизу костяка, длинные бруски, толстыя длинныя жерди (Кириллово, женскія могилы 28, 32, 36 и мужскія 38, 42) по всей вѣроятности принадлежатъ носилкамъ, на которыхъ трупъ былъ доставленъ на кладбище (какой иной способъ доставки возможно здѣсь допустить?). Присутствіе дерева замѣчено всего 19 разъ: 13 въ Кирилловѣ, 4—въ Вороновѣ и 2—въ Тимеревѣ. 3 гвоздя, найденные въ курганѣ № 29 Тим., отличавшемся вообще отъ всѣхъ прочихъ по характеру содержавшихся въ немъ вещей, хотя имѣютъ на себѣ слѣды поперечныхъ слоевъ дерева, но лежали въ тѣсной кучкѣ, всѣ три рядомъ, у лѣвой ступни костяка, и потому принадлежали не гробу, а вѣроятно какому нибудь другому деревянному предмету домашняго употребленія, истлѣвшему, какъ и всѣ прочіе органическіе предметы могилы.

Покойники, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это было нужно для антропологическихъ цѣлей, раздѣлены независимо

*) Изложенная задача о направленіи скелетовъ въ курганахъ была 13 ноября 1878 г. представлена на разсмотрѣніе Московскаго Археологическаго Общества и не вызвала фактическихъ возраженій.

Корчевской уѣзды.

отъ найденныхъ вещей на мужчинъ, дѣтей и женщинъ. Привезенные черепа были подвергнуты тщательному осмотру чл. О. Л. Е., Помощникомъ прозектора при Московскомъ Анатомическомъ театрѣ М. А. Тихомировымъ, бывшимъ въ совершенной неизвѣстности объ условіяхъ нахождения каждаго черепа. Г. Тихомировъ опредѣлялъ ихъ полъ, гдѣ возможно возрастъ, и лучшей гарантіей вѣрности подраздѣленія служить то, что ни въ одномъ случаѣ характеръ предметныхъ находокъ не противорѣчилъ краниологическому свидѣтельству.

По опредѣленіямъ г. Тихомирова и приведены указанія въ протоколахъ раскопокъ; но какъ не всѣ черепа сохранились въ состояніи допускающемъ ясное распознаваніе, то въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ и не подлежащихъ сомнѣнію случаяхъ полъ костяка обозначенъ на

основаніи характера бывшихъ при немъ вещей, а также и его роста. Эти вторичныя свидѣтельства отмѣчены въ таблицахъ вопросительнымъ знакомъ и въ текстѣ скобками.

При раскопкахъ строго наблюдалось правило, чтобы ни одинъ предметъ, будь это кость или вещь, не сдвигался съ того мѣста, на которомъ онъ былъ обнаруженъ. Костякъ осторожно очищался отъ земли широкимъ ножомъ или лопаточкою и по прошествіи около получаса времени обметался сухимъ вѣшникомъ. Вытянутое положеніе скелетовъ позволяло, гдѣ кости не безслѣдно истлѣли, измѣрять ростъ покойника *in situ* мѣрительной тесьмой по средней линіи отъ темени до пятокъ, съ прибавкою нѣсколькихъ долей вершка по усмотрѣнію (при неправильномъ положеніи головы, при искривленности членовъ) такъ, чтобы мѣра приблизительно выражала ростъ

живого субъекта. Всего такимъ образомъ въ 157 могилкахъ мнѣ удалось опредѣлить ростъ 60 субъектовъ. Эти непосредственно полученные цифры и подвергаются дальнейшей группировкѣ. Ихъ слѣдовало бы предварительно немного сократить, такъ какъ тѣло вытягивается послѣ смерти, но мнѣ не удалось найти ученаго опредѣленія этого коэффициента вытягиванія; потому ограничиваюсь лишь указаніемъ на необходимость отрицательной поправки.

Въ числѣ полученныхъ мѣръ одна цифра, 1 ар. 9 вер., относится къ росту ребенка съ болѣзненно-большой головой, найденнаго безо всякихъ металлическихъ вещей въ Вороновѣ въ кург. 12. Другая цифра 2 ар. 2 вер. изъ кург. 45, Кирыново, выражаетъ ростъ взрослого субъекта, позъ котораго не могъ быть опредѣленъ по отсутствію вещей и по плохой сохранности черепка. Остальные 58 данныхъ поддаются обработкѣ. Не имѣя пока основаній приписывать всѣ изслѣдованныя кладбища одному племени, я свачала вывожу отдѣльное среднее для каждой отдѣльной группы кургановъ.

Угличск. у., д. Кирынова

Мужчины.

	Число разъ.	Ростъ.	Среднее.
<i>max.</i>	1	2 арш. 8 в.	
	1	2 — 7 ¹ / ₂	
	1	2 — 6	
	3	2 — 5 ¹ / ₂	
	2	2 — 5	
	1	2 — 4 ¹ / ₂	
	1	2 — 4 ¹ / ₄	
<i>min.</i>	1	2 — 2 ¹ / ₂	
11 мужч.			2 а. 5,4 в.

Женщины.

<i>max.</i>	1	2 арш. 5 в.	
	2	2 — 3 ¹ / ₂	
	2	2 — 3	
	2	2 — 2	
	1	2 — 1	
<i>min.</i>	2	2 — *	
10 женщ.			2—2,3 в.

Угличск. у., д. Воронова.

Мужчины.

<i>max.</i>	2	2 арш. 8 ¹ / ₂ в.	
	1	2 — 8	
	2	2 — 7 ¹ / ₂	
	1	2 — 7	
	2	2 — 6	
<i>min.</i>	1	2 — 5	
9 мужч.			2—7,1 в.

Женщины.

<i>max.</i>	3	2 арш. 5 в.	
	1	2 — 3 ¹ / ₂	
	2	2 — 3	
<i>min.</i>	1	2 — 2	
7 женщ.			2 арш. 3,8 в.

Угличск. у., д. Стромынь.

Мужчины.

<i>max.</i>	1	2 арш. 8 в.	
	1	2 — 6	
<i>min.</i>	1	2 — 5	
3 мужч.			2—6,3 в.

Яросл. у., д. Болши. Тимерево

Мужчины.

	3	2 арш. 6 в.	
3 мужч.			2—6 в.

Корчевск. у. д. Заборье.

Мужчины.

<i>max.</i>	1	2 арш. 8 в.	
	2	2 — 7 ¹ / ₂	
	1	2 — 7	
	1	2 — 6 ³ / ₄	
	2	2 — 6 ¹ / ₂	
	1	2 — 6	
	1	2 — 5 ¹ / ₂	
<i>min.</i>	2	2 — 5	
11 мужч.			2—6,5 в.

Женщины.

<i>max.</i>	1	2 арш. 4 ¹ / ₂ в.	
	2	2 — 4	
<i>min.</i>	1	2 — 2	
4 женщ.			2—3,6 в.

Среднія цифры представляютъ между собою замѣчательное согласіе. Если Кирыновскіе костяки обою пола оказываются пониже ростомъ прочихъ, то при внимательной проверкѣ цифръ причина уясняется. Въ мужскомъ столбцѣ ростъ 2 арш. 4¹/₂ в. имѣетъ дряхлый старикъ, остальные двѣ цифры относятся къ костякамъ мужескимъ, но столь истлѣвшимся, что не было возможности составить заключеніе объ ихъ возрастѣ; не мудрено, что это были незрелые юноши. Въ женскомъ столбцѣ точно также 3 послѣднія цифры ниже общаго *minimum'a* 2 ар 2 в., судя по протоколамъ, могли принадлежать очень молодымъ дѣвушкамъ. Такимъ образомъ откинувъ съ достаточнымъ основаніемъ въ обоихъ Кирыновскихъ столбцахъ по 3 нижнія цифры (т. е. въ женскомъ столбцѣ двѣ строки) получаемъ и для Кирыновскаго кладбища средній ростъ мужчинъ 2 а. 6 в., женщинъ 2—3,1 в. Придерживаясь этихъ послѣднихъ цифръ по известной математической формулѣ опредѣляемъ истинное среднее для мужчинъ:

$$\frac{\left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 6 \end{smallmatrix}\right) \times 11 + \left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 7,1 \end{smallmatrix}\right) \times 9 + \left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 6,3 \end{smallmatrix}\right) \times 3 + \left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 6,5 \end{smallmatrix}\right) \times 11}{34} = \begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 6,47 \end{smallmatrix}$$

и истинное среднее для женщинъ:

$$\frac{\left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 3,1 \end{smallmatrix}\right) \times 7 + \left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 3,8 \end{smallmatrix}\right) \times 7 + \left(\begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 3,6 \end{smallmatrix}\right) \times 4}{18} = \begin{smallmatrix} \text{ар.} & \text{вер.} \\ 2 & 3,48 \end{smallmatrix}$$

Из круглых числом:
2 ар. $6\frac{1}{2}$ в. муж., 2 ар. $3\frac{1}{2}$ в. жен.
а в миллиметрах 1,710 " 1,577 "

Эти истинные средние имеют за себя действительное большинство фактических представителей, что доказывает следующая смешанная таблица всех 58 наблюдений.

МУЖЧИНЫ.

Ростъ.		Число разъ.
2 арш. 1 верш. съ дробью		0
2 " 2 " "		1
2 " 3 " "		0
2 " 4 " "		2
2 " 5 " "		10
2 " 6 " "		11
2 " 7 " "		7
2 " 8 " "		6
2 " 9 " "		0
Итого. . .		37

ЖЕНЩИНЫ.

Ростъ.		Число разъ.
1 арш. 15 верш. съ дробью		0
2 " 0 " "		2
2 " 1 " "		1
2 " 2 " "		4
2 " 3 " "		7
2 " 4 " "		3
2 " 5 " "		4
2 " 6 " "		0
Итого. . .		21

Изъ прочихъ наблюдений въ томъ же районѣ надъ ростомъ курганнаго племени мнѣ извѣстны лишь труды Л. К. Ивановскаго, см. *Отчетъ о раскопкахъ кургановъ* на средства В. И. Лѣствицына въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи на р. Сити, начавшійся печатаніемъ въ Дренностяхъ Моск. Арх. Общ. т. VIII, и измѣренія А. П. Богданова въ его *Материалахъ для антропологии курганнаго періода* (Извѣстія. Общ. Люб. Ест. т. IV).

По характеру погребеній и вещественныхъ находокъ тѣ и другія раскопки не представляютъ разницы съ описанными въ настоящемъ трактатѣ, также и относительно роста покойниковъ, хотя въ обоихъ поминутыхъ отчетахъ затруднительно прослѣдить, какое число отдельныхъ фактовъ послужило для вывода общаго средняго. Г. И в а н о в с к і й свидѣтельствуетъ, что ростъ погребенныхъ мужчинъ рѣдко превышалъ 2 ар. 7 в., чаще былъ 2 ар. 5 в.; а ростъ женщинъ обыкновенно былъ 2 ар. 4 в. А. П. Б о г д а н о в ѣ изъ значительнаго ряда измѣреній при раскопкахъ въ Московской губерніи выводитъ для Рузскаго, Подольскаго и Звенигородскаго уѣздовъ средний ростъ мужскихъ скелетовъ 2 ар. $6\frac{2}{3}$ вер. (1719 милл.) и женскихъ 2 ар. $4\frac{2}{3}$ вер. (1630 милл.). Свою же эти цифры въ одну табличку вмѣстѣ съ замѣченными каждымъ наблюдателемъ наибольшими и наименьшими величинами (въ миллиметрахъ).

Наблюдатели.	Мужчины.		Женщины.	
	тах.	мін. средн.	тах.	мін. средн.
А. П. Богдановъ.	1917	1602	1719	1782 1512 1630
Л. К. Ивановскій.	1734	1645	1690	— — 1600
А. Н. Кельсиевъ.	1800	1645	1710	1645 1511 1577

Окончательное среднее изъ всехъ трехъ показаній будетъ: для роста мужчинъ 1706 м., или 2 ар. 6 вер.; и

для роста женщинъ 1602 м., или 2 ар. 4 вер.; цифры удовлетворительной точности, особенно въ виду трудностей опредѣленія. Руководясь классификаціей П. Топпина (l'Anthropologie, p. 329), можно заключить, что изслѣдуемое вымершее племя имѣло ростъ немного выше средняго и превосходило средний ростъ современныхъ русскихъ на 1 верш. и прочихъ финновъ на 2 вершка. Отношеніе женскаго роста къ мужскому выражается нормальной разницей въ $6\frac{1}{2}\%$.

Положеніе покойниковъ, лежавшихъ на спинѣ съ руками и ногами, вытянутыми параллельно оси туловища, было въ большинствѣ случаевъ совершенно нормальное, если не признавать за ненормальность, что та или другая рука помещалась иногда кистью надъ бедромъ, подъ бедромъ или даже была сдвинута къ серединѣ таза, что ноги бывали не вполнѣ вытянуты, не всегда строго взаимно параллельны. Голова укладывалась лицомъ вверхъ, но въ большинствѣ случаевъ позднѣйшимъ давленіемъ земли черепъ былъ склоненъ на правый или лѣвый високъ или даже, откатившись, лежалъ на темени, нижняя же челюсть оставалась въ первоначальномъ положеніи. Исключенія: въ Кирьяновѣ, кург. 18, у старика правая рука лежала на груди, лѣвая на животѣ, у старухи, кург. 28, правая рука и правыя ребра были подъ головою; въ Вороновѣ, кург. 20, у молодой женщины руки въ браслетахъ были скрещены на животѣ; три мужскіе остова, два въ Кирьяновѣ (30 и 40) и одинъ въ Строминѣ (2) имѣли положеніе челюстей обратное—зубами къ затылку. Безпорядокъ ногъ: Строминъ кург. 1.

Каждый курганъ заключалъ въ себѣ по одному остова. Исключенія были слѣдующія. Въ Вороновѣ (№ 9) на 6 вершк. выше мужскаго остова, лежавшаго въ среднѣ кургана головою на СЗ. съ сосудомъ и стѣпкой въ ногахъ, находился немного восточнѣе другой женскій остова безъ вещей, головою направленный прямо къ западу. Въ Заборьѣ въ кург. № 11 женскій черепъ съ головными колечками и бусами лежалъ слѣва у груди пожилого мужчины, и въ кург. 36 на аршинъ выше нижняго мужскаго костяка были найдены остатки другого человѣческаго остова, перемѣшанные съ костями коровы.

Дѣтскіе курганы попались четыре раза: 1 въ Вороновѣ и остальные 3 въ Кирьяновѣ. Еще четыре раза попались могилы гдѣ, на 1 арш. вправо или влево отъ локтя взрослого костяка и немного выше его, замѣчены были остатки дѣтскаго черепа, два раза съ украшеніями: Кирьяново кург. 33, Вороново кург. 7, Заборье кург. 13 и кург. 27. Въ первомъ и второмъ случаѣ главный костякъ былъ женскій, въ третьемъ мужской, въ четвертомъ истлѣвшій и видъ опредѣленія.

Кромѣ заступовъ и топоровъ у рабочихъ (коихъ на курганѣ средней величины слѣдуетъ ставить не болѣе трехъ человѣкъ, и не вести одновременно раскопку болѣе двухъ смежныхъ кургановъ) мнѣ оказались на практикѣ необходимыми слѣдующіе предметы. *Шуна*—стальной прутъ толщиною въ карандашъ, длиною съ небольшимъ въ аршинъ, на одномъ концѣ сплюснутый въ долото, на другомъ съ рукояткою. Помощію шуна, если только пасынь не каменистая, съ большимъ удобствомъ опредѣляется залеганіе костяка, сосуда, близость подпочвеннаго слоя, и вообще опредѣляется направленіе развѣдки. Рабочіе постоянно пользовались шуномъ и отзывались, что „эта палочка дорогаго стоитъ“. Небольшая ручная (садовая или лучше штукатурная) *лопаточка*, кухонный *ножикъ* и сухой *отникъ* необходимы для очистки и тщательнаго изслѣдованія костяка и окружающей его земли, мѣрительная карманная *тесма* и *компасъ*—для опредѣленія длины и направленія костяка, и *книжка*—для записи наблюдений. Вынутыя кости

и предметы укладываются для просушки на кусок холста или клеенки; въ случаѣ присутствія мелкихъ вещей оставшаяся земля просѣивается въ небольшое металлическое *рѣшето*. Вещи полезно завертывать на самомъ мѣстѣ раскопокъ, для чего нужно имѣть достаточный запасъ оберточной *бумаги*, *бичевокъ* и цвѣтной *карандашъ*. Свертки, упакованные въ сѣно въ большихъ плетеныхъ *коробахъ*, корзинахъ или ящикахъ, дошли у меня всѣ въ сохранности.

Можно считать доказаннымъ, что народъ вездѣ утратилъ воспоминаніе о происхожденіи кургановъ, хотя сомнительно, чтобы предки современнаго населенія сѣверныхъ губерній не были свидѣтелями Мерянскихъ погребальныхъ обрядовъ. Память измѣнила народу въ такой степени, что курганы даже не вездѣ называются *могилами*, а часто *паны*, *панки*, *баттары*, *горбыши*, *пупки*, *ямы*, *буры*, *сопки*, *кочи* и т. д. (См. гр. Уваровъ, *о сущест. и второст. признакахъ могилъ*). Приписываніе языческихъ кладбищъ какому либо безпокойному, воинственному періоду русской исторіи стало распространяться съ грамотностію и несостоятельностью этихъ толкованій уже не заслуживаетъ разъясненія. Меня давно занимало широко распространенное названіе кургановъ *паны*, *панки*, *панскія* или *пановымогила*, равно и обиліе деревень съ такими же названіями въ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются курганные кладбища. Гр. А. С. Уваровъ, *Меряне* стр. 49, свидѣтельствуетъ: „во Владимірской губерніи до начатія нашихъ раскопокъ въ 1851 году слово *курганы* вовсе не было извѣстно; народъ обыкновенно называлъ ихъ *паны*, *панки*, *пановымогила*“. Въ подмосковныхъ мѣстностяхъ эти названія можно было объяснить присутствіемъ поляковъ (хотя народъ никогда не величаетъ врага почетнымъ званіемъ его предводителей и поляковъ просто звалъ *ляхами*), но употребленіе для кургановъ того же названія даже въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ, гдѣ поляки никогда не были, заставляло предполагать въ звукѣ *пан* вѣчто иное: именно, у исчезнувшихъ языческихъ инородцевъ это слово не означало ли кладбища, смерти, предка, покойника, загробнаго міра и т. п. При моихъ раскопкахъ, крестьяне мнѣ также толковали, что слышали отъ отцовъ, будто въ курганахъ зарыты какіе-то паны (См. выше гл. I и гл. III). Приготовляя къ печати настоящій трудъ, я по этому вопросу, какъ и по всѣмъ другимъ, требовавшимъ специальныхъ познаній, представилъ свои соображенія суду людей компетентныхъ, и не взирая на первые мало поощрительные отзывы, продолжалъ собирать мѣтлы. Обратившись наконецъ въ Императорское Русское Географическое Общество къ В. Н. Майнову съ просьбою справиться у нѣкоторыхъ Петербургскихъ финнологовъ, что означаютъ слова съ корнемъ *пан* въ Угорскихъ или Урало-алтайскихъ нарѣчіяхъ Россіи, я получилъ отъ г. Майнова письмо, подтверждавшее мои робкія догадки.

«У меня имѣется, пишетъ г. Майновъ, словарь *Финскаго языка Ренвала* 1826 г. (теперь библиографическая рѣдкость) и вотъ, что мы видимъ въ немъ на стр. 48, часть II: «*panen*, *panna* pono, *dispono*, *colloco* sc. *setzen*, *legen*, *stellen*, и *dasste* *massam* *alicujus*; отсюда *pano*, *gen panan* *collocatio*, *das Hinlegen*, *das Hinsetzen*, и затѣмъ *paniainen* *gen. paniaisen* *positionis celebratio*, *Begraebnissefeier*.

«По *Весьски* или по *Чудски* *panen* значить класть, полагать, а *panied* могила (*Essai de gram. Vépse ou Tchoud par Ujfalvi*, p. 104).

«По *Корельски* *panan* хоронить.

«По *Мордовски*: 1) У Мокши глаголъ въ собственномъ смыслѣ утерять, но *панда* значить холмъ, курганъ, мо-

гила, гора, а *паниан* или *пан'ан* сгонять, собирать, накоплять, ссыпать. Напр. *тозыр-пан'ан* ссыпать пшеницу. Старинное значеніе слова сохранилось въ *Христосен пан'аф* погребеніе Христа, страстная пятница. Плашаница наз. или *плаштенница* или же *пан'ама* (слогъ *ма* здѣсь придаетъ корню значеніе орудія дѣйствія). 2) У Эрзи *пандо* гора, могила, холмъ; *панемс* въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ значить сгонять, насыпать, а также гнать, прогонять; *панкс* сходка; курганъ *панда* и, какъ я самъ слышалъ въ Самарской губ. Ставропольскаго уѣздѣ, также *панкс* (гдѣ же придаетъ слову значенія продукта дѣйствія). Про современные обряды на обоихъ нарѣчіяхъ уже говорятъ *калмаф*, *калмо*, похороны, *калман*, *калмамс* хоронить, *калма* гробъ.

«Мнѣ кажется, что вы не далеки отъ истины. Народъ не сталъ бы приписывать панѣямъ, т. е. полякамъ, могилы тамъ, гдѣ никогда поляковъ не было».

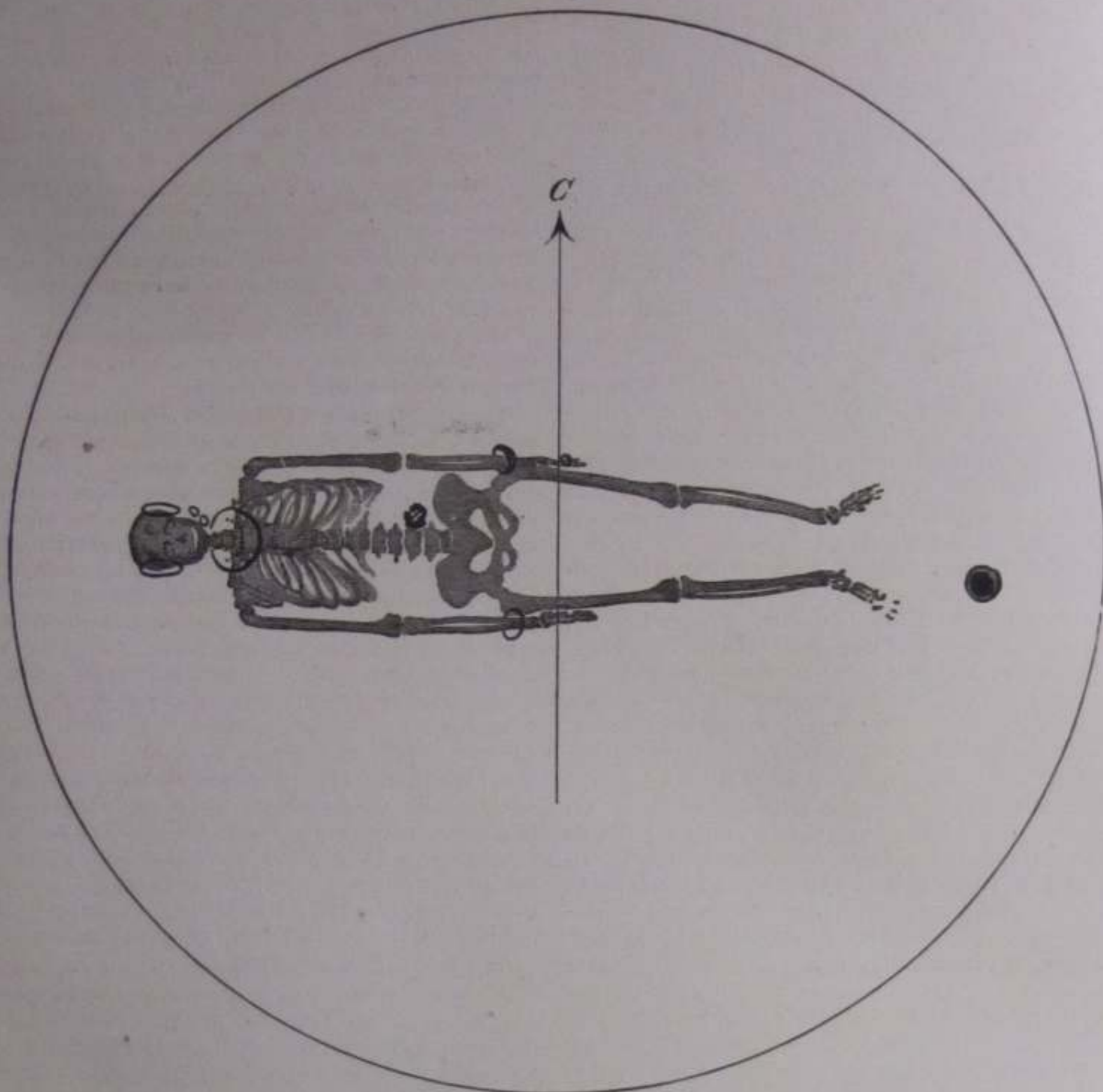
Такимъ образомъ и выраженіе *панки*, *пановымогила* на ряду со многими другими названіями живыхъ урочищъ, объясняемое корнями финскихъ языковъ, является новымъ доказательствомъ, что мерянское нарѣчіе было тождественно съ современными инородческими и что мирное сожителство съ пионерами славянами было продолжительное. Они затвердили и сохранили черезъ много вѣковъ туземныя названія, какъ послѣднее слабое эхо мерянского языка.

VI. *Обзоръ выкопанныхъ вещей*. Большинство предметовъ были получены изъ женскихъ кургановъ, характерную особенность коихъ составляетъ присутствіе шейныхъ и головныхъ украшеній, главнымъ образомъ бусъ и проволочныхъ колечекъ. Кромѣ кург. 9, Вор., имѣвшаго исключительную конструкцію, во всѣхъ протоколахъ нельзя найти явственно определенной женской могилы, которая представляла бы отсутствіе этихъ предметовъ. Подвергну бѣглому осмотру вещи находимыя при головѣ, шеѣ, груди, поясѣ, рукахъ и ногахъ. Почти всѣ онѣ вычеканены изъ свѣтложелтой (въ изломѣ), иногда кажется слегка посеребренной, бронзы, т. е. мѣди (около 90%) съ прибавкою олова и цинка. Металлъ въ нижеслѣдующемъ описаніи означенъ только при вещахъ не бронзовыхъ.

Налобные вѣнчики въ видѣ тонкихъ совершенно гладкихъ ленточекъ съ дырочками или крючками на концахъ (можетъ быть для прикрѣпленія къ ремешку) найдены 2 раза (Кир. 32 и Вор. 5); въ обоихъ случаяхъ на женщинахъ, одна изъ коихъ была пожилая, возрастъ другой неизвѣстенъ.

Проволочныя кольца найдены были при 32 черепкахъ, изъ коихъ 30 женскіе и 2 дѣтскіе, вѣроятно дѣвочки. Кольца имѣютъ діаметромъ отъ 1,5 до 9 сант. и согнуты изъ кусковъ проволоки, концы которыхъ или просто сведены, или грубо смотаны, иногда одинъ конецъ расплющенъ и навить на другой. Умелкихъ колечекъ часто одинъ конецъ загнутъ петелькой. Крупныя кольца обыкновенно были находимы близко пристающими къ черепу, цовидному окружали уши; мелкія колечки преимущественно попадались около затылка и у шеи. По одному мелкому колечку встрѣтилось 5 разъ, въ Кирьяновѣ у трехъ старухъ (28, 52, 53) и у двухъ женщинъ въ Заборьи. Въ бѣдшемъ количествѣ отъ 2 до 6 (Кир. 55, Вор. 17, 20 и др.) и м. б. еще болѣе, мелкія колечки попались 10 разъ у женщинъ разныхъ возрастовъ; вмѣстѣ съ 2 крупными кольцами, расположенными по одному у каждого виска, 3 раза: въ Кирьяновѣ (24 и 26) у двухъ молодыхъ женщинъ и у одной въ Заборьи (25). Тамъ же въ кург. 18, старуха имѣла при головѣ 4 крупныхъ кольца по 8 сант. и три мелкихъ. Одни крупныя кольца встрѣтились 9 разъ: по одному, по два, и у старухи (Заб. 9) по три кольца при вискахъ. Небольшіе обломки проволоки при черепкахъ несомнѣнно тоже принадлежали головнымъ кольцамъ. Въ

Женщина.

Вороновъ (5) съ лѣвой стороны женскаго черепа съ тремя мелкими колечками лежало большое проволоочное кольцо расщепленное на узорчатомъ штампѣ, въ 5 мѣстахъ, ромбами; обломокъ другого подобнаго кольца найденъ тамъ же въ кург. 7. При дѣтскихъ черепахъ (Кир. 48 и Вор. 7) были лишь мелкія колечки. Всѣ эти украшенія вѣроятно прикрѣплялись къ кожанному головному убору *) (гр. Уваровъ, *Мериле*, стр. 159, сравни также Кирьян. 23). Въ виду такой употребительности у женщинъ головныхъ колечекъ заслуживаютъ упоминанія и ихъ отсутствіе, оказавшееся 4 раза: Кир. 29 и 32, Ворон. 9 и 13.

Серьги. Интересное замѣчаніе, что серьги, какъ чисто восточное украшеніе, по мѣрѣ удаленія къ Балтійскому морю встрѣчаются рѣже, подтверждается многими раскопками. Въ окрестностяхъ Ростовскаго озера ихъ находили въ количествѣ превосходящемъ даже головныя кольца. Курганы Угличскаго уѣзда дали мнѣ 5 находокъ, изъ коихъ только большія вырѣзныя семизубчатныя серьги

(Вор. 20), характеристичныя для кургановъ Московской губ., не позволяютъ усомниться въ ихъ употребленіи, а проволочныя колечки съ бусинами или даже одиночныя бусины, найденныя около ушей, могли быть и не серьгами (Кир. 32, 53, Вор. 17, 18). Изъ Корчевскаго уѣзда получено лишь двое серегъ (Заб. 25 и дѣтская сережка 37). Всѣ серьги найдены лишь при женскихъ остовахъ.

Бусы, найдены 25 разъ почти исключительно при тѣхъ же самыхъ женскихъ остовахъ, которые имѣли головныя колечки, въ томъ числѣ два раза у дѣтей. Большинство бусъ какой-то особой композиціи крѣпилось въ мелкій бѣлый или красноватый порошокъ при первомъ ихъ шевеленіи. Уцѣлѣвшія весьма разнообразны. Больше всего прозрачныхъ стеклянныхъ съ позолотою; длинная нитка такихъ набрана съ шеи молодой женщины (Кир. 24). Рѣже попадались стеклянныя ярко-синія и лиловыя (Вор. 17, Заб. 19, 27). Заслуживаетъ вниманія также бисеръ выцѣпшій мелкій (Заб. 18) и крупный стеклянный желтый, черныи и зеленый въ послѣднихъ курганахъ Воронова. Попадались бусины оловяныя (Заб. 14), одна аметистовая (ib), одна лутая серебряная (Заб. 11), очень

*) Височныя кольца—украшеніе не лишенное дикой прелестью—вмѣстѣ съ употребленіемъ лишь у бурятъ. Ср. двѣ бурятскія куклы въ Дашковскомъ собраніи.

красивыя пестрые глиняныя (въ протоколахъ названныя мозаичными) треугольныя (Кир. 26) и боченочками (Вор. 17). Главнымъ украшеніемъ мѣнѣи были цилиндрики изъ тѣхъ же матеріаловъ, найденныя 5 разъ по одному.

Описанные вѣшечки, проволочныя колечки, серьги и бусы, столь характерныя принадлежности женскаго наряда, не были найдены ни въ одномъ изъ 34 раскопанныхъ кургановъ Тимерева.

Волосы прямыя, небольшими прядями, благодаря близости бронзовыхъ головныхъ украшеній, и потому не безъ вліянія металлической окраски, замѣчены въ 5 могилахъ женскихъ. Номерами таблицы профессора Брока цвѣты ихъ опредѣляются такъ:

Кириново кур. 23	цвѣтъ № 41.
" " 48 дѣтя	" № 53.
Заборье кург. 17	" № 34.
" " 25	" № 27.
" " 41	" № 36.

Этотъ рядъ не представляетъ ничего характернаго. Цвѣтъ варьируется отъ свѣтлорусаго до темно-каштановаго, почти чернаго. Попадались волосы вьющіеся, но курчавые ни разу.

Шейные обручи или гривны—5 разъ. Въ Вороновѣ при черепѣ ребенка (7) и на шеѣ женщины (5), оба грубо согнутые изъ проволоки. Два обруча отъ женскихъ костяковъ изъ Киринова (23 и 26), застегивающіеся сзади, весьма искусно свиты жгутами изъ вѣсколькихъ проволокъ,— на одномъ изъ нихъ навѣшено 2 мелкихъ проволочныхъ же колечка. Сомкнутый желѣзный сильно перержавѣвшій обручъ, единственный предметъ найденный въ кург. 23 Тим., вѣроятно тоже служилъ шейнымъ украшеніемъ.

Привѣски. Весьма разнообразныя, тоже только при женскихъ остовахъ, всего 8 штукъ. Въ Вороновѣ курганъ 11—у шеи бронзовый полумѣсяцъ съ ушкомъ; кург. 7—у шеи ребенка тонкая круглая бляха съ выдавленнымъ узоромъ и съ ушкомъ; кург. 5—бляха, подобная предъидущей, но съ другимъ узоромъ, межъ коѣмъ женщины; кург. 17—равноконечный фигурный крестикъ съ ушкомъ изъ тяжеловѣсной композиціи (подобной съ составомъ нижеупоминаемой палочки) на груди пожилой женщины. Въ Кириновѣ кург. 53—пожилая женщина имѣла у шеи бронзовый равноконечный крестикъ съ ободками, образокъ Богоматери, и у лѣваго локтя (вѣроятно откатившійся) образокъ Успенія; кург. 26—у черепа молоденькой женщины слѣва миниатюрная чашечка или колокольчикъ на цѣпочкѣ.

Монеты—только 2, опредѣлены графомъ А. С. Уваровымъ. Тимерево кург. 4—на груди совершенно сгниваго остова, неизвѣстнаго пола, серебряная, верхне-саксонская*), чеканена кажется во время короля Оттона III (до 996 г.). Другая, дерев. Заборье кург. 22, у шеи женщины серебряная, судя по густой ржавчинѣ, низкопробная монета съ дырочкой, вѣроятно Утрехтскаго епископа Бернольда (1027—1054 г., Кенне, *описание европ. монетъ*, № 210 и № 381). Слѣдовательно раскопанные курганы Ярославскаго уѣзда не могутъ быть ранѣе конца X вѣка, и курганы Корчевскаго уѣзда ранѣе начала XI, а такъ какъ монеты послѣ чеканки ходятъ по рукамъ обыкновенно весьма небольшое число десятиковъ лѣтъ, не долѣе средняго размѣра человеческой жизни, то и всѣ изслѣдованныя 8 кладбищъ (существенно не

разнившись между собою) весьма позднія, принадлежатъ XI вѣку, эпохѣ непосредственно предшествовавшей укорененію въ сѣверной Россіи славянства и христіанства.

Гребенки. Обломокъ роговой гребеночки съ костяной узорчатой спинкой найденъ съ правой стороны мужскаго черепа (Кир. 22) и перегорѣлые остатки двухъ таковыхъ же спинокъ оказались при сожженныхъ покойникахъ въ двухъ курганахъ Тимерева (24 и 25).

Палочки. Къ этой рубрикѣ я свожу три предмета необъясненнаго назначенія: въ Вороновѣ при мужскомъ черепѣ (1) костяшка длиною въ 5 сантим., грубо заостренная въ обѣ стороны; при женскомъ черепѣ (7), сарава, утончающаяся хрупкая палочка*), и въ Заборьи (21) у подбородка женскаго черепа расщепавшаяся на куски песчаниковая палка въ твердой оболочкѣ длиною 15 сантим., поперечникъ толстаго конца 2 сантим.

Ткани сохранились небольшими клочками по близости шейныхъ и грудныхъ бронзовыхъ предметовъ въ 4 могилахъ женскихъ. Всѣ образки шерстяные, очень темные, побурѣвшіе. Одинъ (Заб. 21) грубая ткань съ кромкой; другой (Кир. 23) пучекъ толстыхъ шерстяныхъ нитокъ оливковаго цвѣта; второй изъ той же могилы напоминаетъ бахрому или шнурки, плотно свитые изъ хорошо выдѣланныхъ темно-красныхъ и темно-зеленыхъ шерстинокъ. Шерстинки эти при растяженіи распадаются, потому возможно предположить, что они были скрѣплены поперечными нитями изъ другаго матеріала, нити истлѣвшими. Остальные два случая (Заб. 17 и 25) представляютъ остатки шерстяной хорошей ткани рубчатой (вродѣ ренса) тоже съ бахромою или рядами короткихъ тонкихъ шнурковъ. На лезвѣ топора изъ Тимерева (кург. 29), лежаваго при лѣвой ступнѣ замѣченъ пропитанный ржавчиною клочекъ толстой ткани вродѣ холстины.

Браслеты, 20 штукъ, вѣ бронзовыя, при 14 остовахъ. Почти всѣ съ несомкнутыми концами. Разъ надѣтые и закованные на запястья руки, они уже не снимались, въ нихъ и хоронили человека. Слѣданы они изъ толстой проволоки или изъ плоской узорчатой пластинки съ расплюснутыми концами, выпуклые, массивные трехгранные, свитые изъ тонкихъ проволокъ и т. п. У 5 женскихъ остоновъ было на обѣихъ рукахъ по одному браслету (обыкновенно одинъ широкій, другой проволочный). На браслету на одной правой рукѣ у 6 женщинъ и одного мужчины (кур. 30, полъ поспѣвшаго опредѣляется только по присутствію сѣкиры). На одной лѣвой рукѣ браслеты оказались у 2 женщинъ; въ первомъ случаѣ ихъ было 2 проволочныхъ, одинъ простой, другой витой; во второмъ одинъ, и между концами его лежала бронзовая плоская прорѣзанная птичка.

Кольца, проволочныя, витыя жгутами, плоскія, расплюснутыя, массивныя, со скрѣпленными и нескрѣпленными концами, найдены въ числѣ 36 на пальцахъ рукъ 27 остоновъ, обоюго пола. У ребенка (Вор. 7) кольцо найдено 1 разъ, у женщины 16, у мужчины 8 разъ и 3 раза въ курганахъ неопредѣленной принадлежности. Слѣдовательно женщины вообще носили кольца чаще мужчины, хотя приведенныя цифры, основанныя болѣе на догадкахъ, не могутъ быть названы вполне точными. Кольца обѣими полами надѣвались безразлично на ту или другую руку; находокъ кольца на правой рукѣ было нѣсколькими случаями больше. Два раза было найдено по два кольца на одной рукѣ, и одинъ разъ (Вор. 5) у женщины четыре кольца на правой рукѣ.

*) На Корельскомъ языкѣ еще и теперь кунаецъ называется *сакса*, какъ воспоминаніе о вѣмецкихъ торговыхъ людяхъ, посѣщавшихъ въ средніе вѣка балтійское побережье и прилежащія къ нему страны. Л. Н. Майковъ, *О древней культурѣ западныхъ Финновъ*.

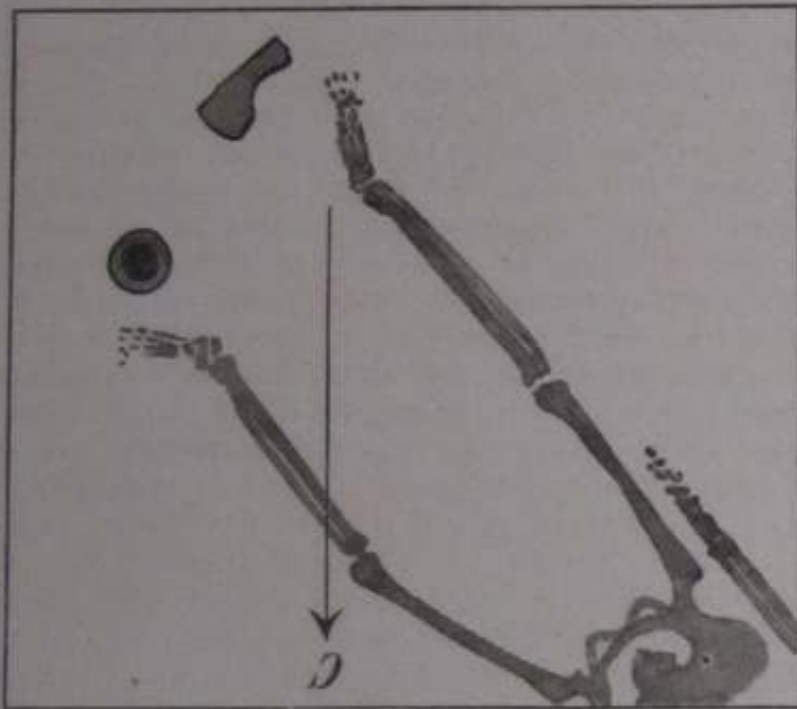
*) По анализу П. П. Петрова, въ ней обнаружено присутствіе кремневой кислоты, глинозема, желѣза, олова и свинца.

Пояса и поясные украшения. Хороший образец древнего узкого ремennого пояса с квадратными и сердцевидными узорчатыми бляшками получен от мужского остова (Кир. 22); совершенно такие же бляшки найдены два раза в прахѣ сожженных труповъ (Тим. 24 и 25). Поясные застѣжки (пращки) разного фасона безразлично при мужскихъ и женскихъ остовахъ были найдены (всегда по одной) 7 разъ у живота, 2 раза у черепа (Кир. 22, Тим. 15, оба мужск., вѣроятно отъ перевязи черезъ плечо, а можетъ быть с фибулы плаща) и разъ въ курганѣ, не сохранившемъ костей. Одна изъ такихъ пражекъ (Заб. 7) желѣзная. Кроме пражекъ, не много ниже пояса, у таза, попадались еще въ 6 случаяхъ, почти исключительно

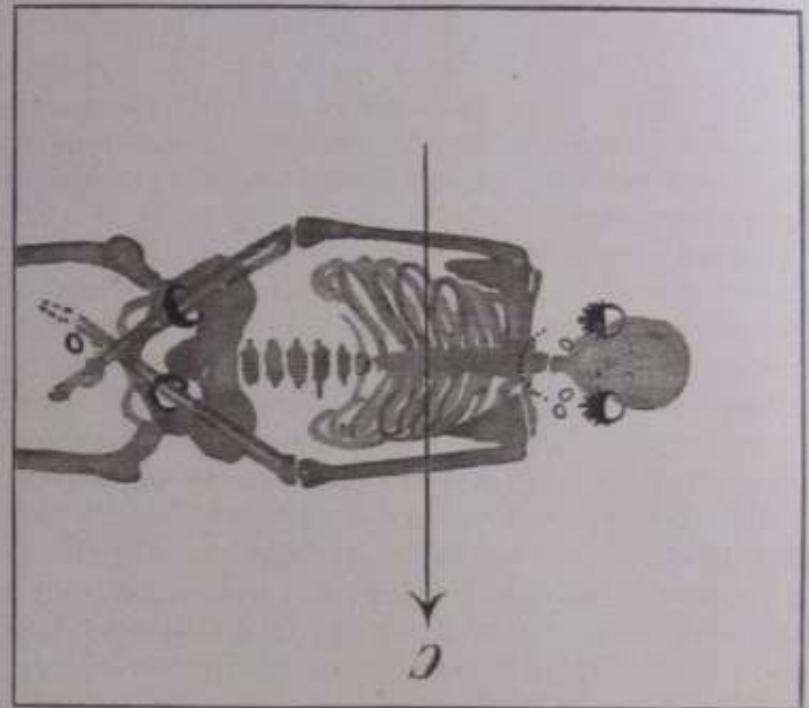
при старшихъ особахъ, довольно крупныя (діам. 3—4 сант.), круглыя отливныя кольца, составлявшія вѣроятно какую нибудь принадлежность пояса: три раза съ одной (Кир. 20 и 36, Заб. 28) и три раза по обѣимъ сторонамъ таза (Заб. 5 и 9, Вор. 1). Одно изъ такихъ колецъ проволочное бронзовое, пара массивныхъ бронзовыхъ, пара густовысеребренныхъ мѣдныхъ и всѣ остальные желѣзные. У самого пояса двухъ женщинъ, изъ коихъ одна старуха (Кир. 28, Вор. 5) найдены небольшія привѣски съ побрякушками въ видѣ длинныхъ треугольниковъ и гусиныхъ лапокъ—известнаго курганнаго типа и кроме того еще 4 раза, исключительно у разного возраста женщинъ, при поясѣ или надъ пахомъ бронзовыя бубенчики

д. Воронова кург. 9

Мужчина.

д. Воронова, кург. 20

Молодая женщина.

по одному и по два (Кир. 32, Вор. 7, Заб. 9 и 25). Всѣ перечисленные остатки поясныхъ принадлежностей или украшеній лежали чаще съ лѣвой стороны пояса.

Кольца, совершенно подобныя курганнымъ, лопарскія женщины имѣли прикрѣпляютъ на веревочкахъ по нѣскольку рядомъ къ поясу слѣва для бряцанья при ходѣ и движеніи. Звонъ побрякушекъ, бубенчиковъ и колоколовъ искони почитается эмблемой бога-громовника, прогоняющаго нечистую силу. Одежда древнихъ жрецовъ (шамановъ) увѣшивалась звонками и бубенчиками, и только при топченіи на язычество эти атрибуты слѣзались принадлежностью шутовскаго наряда. (Афанасьевъ, *Возрѣніи Славянъ*, I, 301). Такъ заклинанье вырождается въ прибаутку, гимнъ—въ дѣтскую пѣсню, идолъ—въ куклу, религиозныя обряды—въ пляску и въ святочное ржанье, священные символы—въ масти игральныхъ картъ.

Ножи желѣзные, сильно заржавленные, узенькіе, прямые, сточенные въ одну сторону, вродѣ перочинныхъ (по замѣчанію одного медика ножи эти имѣютъ видъ грубыхъ хирургическихъ инструментовъ и могли употребляться какъ таковыя). Всѣ ножи имѣли ручки изъ дерева, слѣды коего пронитанные ржавчиною сохранились на черенкахъ. В. А. Тихомировъ, кою я просилъ высказать мнѣніе о породѣ дерева ручекъ *), послѣ неоднократныхъ попы-

токъ микроскопическихъ изслѣдованій, гдѣ въ массѣ кристалловъ ржавчины трудно было выискать остатки волоконъ древесины, наконецъ имѣлъ возможность лично разглядѣть искомое съ нѣсколькихъ экземпляровъ ножей и опредѣлить, что дерево ручекъ не хвойное, а лиственное и похоже на дубъ, хотя въ виду ветхости образцовъ нельзя послѣднего высказывать утвердительно.

Длина ножей съ черенками, составляющими $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ лезвия, колеблется около 10 сант. Ножикъ самый длинный имѣетъ мѣру 16,5 сант. (Кир. 34). Были находимы и не цѣлыя ножи, даже вмѣсто ножа разъ обломокъ черенка сабли (Кир. 42), наконечникъ дротика (Кир. 47) или просто искривленное желѣзко (Вор. 3, Челг. 5). Ножи попадались при остовахъ чаще всѣхъ другихъ предметовъ, совершенно безразлично въ мужскихъ и женскихъ курганахъ (въ пользу обоихъ половъ изъ протоколовъ можно извлечь съ небольшимъ по 20 ясныхъ примѣровъ). Значительное большинство, около 70%, ножей найдено на лѣвой сторонѣ остова; половина этихъ находокъ слѣлана у лѣвыхъ реберъ, и половина при лѣвой сторонѣ таза, слѣдовательно ножи носились въ чашѣ (или карманѣ) на лѣвой сторонѣ груди (8 разъ у женщинъ, 4 раза у мужчинъ) или привязывались съ лѣвой стороны къ поясу (чаще у мужчинъ, 9 разъ; у женщинъ 5 разъ, кажется преимущественно у старухъ). На правой сторонѣ остова найдено лишь 9 ножей. При мужскихъ остовахъ ножикъ былъ найденъ также одинъ разъ у правой (Вор.

*) Если бы дерево принадлежало какому нибудь отдаленному растенію, то представилось бы свидѣтельство распространенности торговыхъ сношеній.

3), другой разъ у лѣвой шиколды (Вор. 16, не въ голенищѣ ли обуви?). Три мужскіе остова, изъ нихъ одинъ дряхлаго старика (Кир. 42, 47, Вор. 3), имѣли по два ножа, одинъ на правой, другой на лѣвой сторонѣ въ разныхъ мѣстахъ. При остовахъ неизвѣстнаго пола два раза ножъ найденъ былъ съ лѣвой стороны черепа (Кир. 25, Челг. 2). Въ Тимеревѣ два раза при прахѣ сожженныхъ покойниковъ вмѣстѣ съ цѣлымъ ножикомъ (кург. 20) или со слѣдами его (кург. 24) было найдено по продолговатому брусочку изъ точильнаго камня длиною 8—9 сант.

Топоры довольно большіе отъ $4\frac{1}{2}$ вершк. (Кир. 20) и до 3 в. (Кир. 40) съ лезвиемъ, удлинненнымъ въ нижней части, найдены 7 разъ, повидимому только при мужскихъ костяхъ. Мѣсто нахождения топоровъ даетъ основаніе предположить, что топоры (слѣда коего впрочемъ ни разу не найдено) имѣло около аршина длины, вкладывалось концомъ въ ручную кисть покойника, параллельно оси туловища; лезвие топора всегда было обращено къ трупу. 4 раза покойникъ держалъ топоръ въ лѣвой рукѣ и три раза — въ правой. Вверхъ, къ головѣ, топоръ былъ направленъ только въ одномъ курганѣ (Кир. 22); во всѣхъ остальныхъ шести случаяхъ онъ былъ уложенъ отъ руки вдоль ногъ къ ступнѣ. Въ обухѣ топора (Вор. 1) найдено три гвоздя со слѣдами дерева, въ которое они были вбиты.

Горшки, по большей части не цѣлые или раскрошившіеся въ мелкіе черепки, обнаружены въ 42 курганахъ, т. е. въ $27\frac{3}{4}$ всего числа изслѣдованныхъ. Сдѣланы они изъ весьма разнобразной глины желтой, сѣрой, черной или красной, часто съ примѣсью очень крупнаго песку, толченыхъ рѣчныхъ раковинъ, вѣроятно также органическихъ веществъ, въ большинствѣ случаевъ грубой ручной формовки, но также не мало (особенно въ Заборьи) и формованныхъ на дощечкѣ. Очень характеренъ изломъ: середина его, обыкновенно черная съ крупнымъ блестящимъ пескомъ, со стороны внутренней и вѣншей поверхности представляетъ тонкія кирпичнаго цвѣта полоски, такъ что горшокъ неразбитый кажется сдѣланнымъ изъ красной глины. Всѣ горшки имѣютъ плоское дно и форма ихъ варьируется въ предѣлахъ между обыкновенной кухонной кринкой и невысокой узкой прямой банкой въ родѣ цѣточного горшка. Самый маленькій горшечикъ имѣетъ высоту 7 сантим. (Кир. 23). Большіе горшки находимы были разрушенными и, на сколько по черепкамъ возможно опредѣлять ихъ размѣры, не превосходили высотой 5 вершковъ. Встрѣчались горшки безразлично въ мужскихъ и женскихъ курганахъ и стояли по одному или по два рядомъ всегда у ногъ въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ той или другой, чаще отъ правой, ступни, но направленію ноги или немного въ сторону. Три раза горшки были придвинуты ближе къ правой ручной кисти (Кирьяново 29, 38, Тимерево 6) и 2 раза (Заборье 27, 30) найдены у праваго плеча. Горшки не заключали въ себѣ ничего другого кромѣ земли одинаковаго состава съ прочей насыпью. Въ четырехъ Тимеревскихъ курганахъ съ сожженными покойниками разрушенные горшки по одному и по 2 стояли на пенелищѣ, иногда засыпанные прахомъ. Парныхъ находокъ всего было 10, большинство кажется при мужскихъ остовахъ. Больше двухъ горшковъ въ одной могилѣ никогда не встрѣчалось.

Узоры оказались на весьма немногихъ горшкахъ и сравнительно съ находками въ другихъ мѣстностяхъ не представляютъ ничего выдающагося. Край лѣнныхъ горшечковъ иногда зазубрены (Тимерево 29), и бока имѣютъ на себѣ узоръ зигзагомъ, оттиснутый помощію бичевки или нитого проволоочнаго кольца (Тимерево 20, 24).

На механически формованныхъ горшкахъ чаще всего замѣчаются горизонтальныя бороздки, размѣщенные или неправильно, или на равныхъ между собою разстояніяхъ. Иногда одной изъ этихъ бороздокъ дано нѣсколько волнообразное направленіе изгибами отлогими (Заборье 33) или мелкими и неправильными (Заборье 27). Чаще между нѣсколькими прямыми черточками проведенъ рядъ таковыхъ же мелкихъ правильныхъ зигзаговъ (Заборье 22, 38, 40). Эти узоры могли получаться не иначе, какъ съ помощію зубчатаго орудія, въ родѣ гребешка. Тѣмъ же гребешкомъ или просто палочкой иногда назначены на горшкѣ ряды пунктирныхъ линий (Вас. 3). Одинъ изъ сосудовъ ручной формовки (Кирьяново 40) имѣетъ на боку мѣтку изъ пяти рядомъ небольшихъ царапинокъ, сдѣланныхъ еще до обжига. Четыре машинныя кринки имѣютъ на днѣ клейма выпуклыя, получившіяся вѣроятно отъ штампа, вырѣзаннаго въ центрѣ круга, на которомъ формовался горшокъ. Основаніе каждого клейма составляетъ кружокъ въ 2—4 сантим. діаметр.; одинъ разъ къ кружку придѣлано съ внутренней стороны 7—8 зубчиковъ (Заб. 23), другой разъ (Вор. 2) въ немъ вставленъ крестикъ съ расширенными концами. Въ двухъ послѣднихъ клеймахъ (Вор. 5 и 9) кружокъ пересѣченъ равноконечнымъ крестомъ съ концами прямыми или незначительно загнутыми въ одну сторону (*свастика*). Эти клейма могли быть знаками домовою собственности, употребительными и нынѣ у безграмотныхъ инородцевъ, съ другой стороны, подобно тому какъ каждое собственное имя вызвано какой-нибудь идеей, тѣмъ позволительнѣе и въ горшечныхъ клеймахъ, нескать гіероглифическаго смысла; кругъ съ точкой, кругъ съ крестомъ, крестъ, свастика оказываются самыми любимыми значками отъ древнихъ народовъ Индіи, Малой Азіи, Этрурии, до языческихъ Славянъ, Скандинавовъ и живущихъ на краю свѣта Лапландцевъ. (*Древности* Т. I, вып. 2. Mortillet, *Le signe de la croix*, Стасовъ *Русскій народн. орнаментъ* и др.)

По одному разу были найдены слѣдующіе предметы:

Желѣзная иларь, или кузнечные илаки составили густымъ слоемъ какъ бы подстилку нижнихъ конечностей остова (Заб. 16)—находка важная, какъ доказательство существованія мѣстной обработки желѣза.

Розовые грубо оббитые **кремешки** найдены кучкою при остовахъ въ Заборьи, кург. 21.

Желѣзный предметъ длиною 19 сантим. неправильной формы, хрупкій съ сильно налипавшей ржавчиной и двумя бронзовыми колечками на концѣ, кажется цѣпочка, найденъ надъ лѣвой грудью у женщины въ курганѣ 25, Заб.

Въ с. **Тимеревѣ** кург. 1, съ широкимъ основаніемъ и низкой серединой, далъ лишь желѣзную *подковку* отъ сапога. Такія подковки въ курганахъ были находимы и прежде, всегда по одной.

Въ кург. 20 при пережженныхъ костяхъ и черепкахъ горшка найдено глиняное изображеніе зѣврыиной лапы съ четырьмя когтями, совершенно подобное описанному въ „Меринахъ“ графа А. С. Уварова на стр. 69 и 97. Предметъ, характеризующій мерянскія кладбища. Въ виду совершеннаго тождества матеріала и обдѣлки можно заключить, что эти изображенія, имѣвшія религіозное значеніе, шли вѣроятно изъ одного центра.

А о л а с ь е в ѣ, *Воззрѣнія славянъ, т. I* стр. 120, приводитъ много слѣдовъ державшагося въ языческой Россіи вѣрованія, что души усопшихъ переселялись *въ горня*, *въ царство небесное*, взбираются на крутую гладкую гору вѣчнаго блаженства, т. е. лезутъ на небо, представлявшееся хрустальнымъ, по наружной его сторонѣ. Потому съ покойникомъ, для облегченія его пути, укладывались и со-

жигались ланы хищных звѣрей, когти птиц и животных, и обрѣзки его собственных ногтей. И теперь еще у больших не принято стричь ногти *).

Курганъ 29 можетъ быть названъ *могилою кунца* или *юста*. Желѣзная *фибула* на плечѣ вѣроятно застегивала *хормо*, плащъ, по тогдашней южно русской модѣ; у шеи двѣ бронзовыя грушевидныя *пуговицы*. Узенькій, длиною въ 3 вершка, дорожный *топорикъ*, отличный отъ туземныхъ, лезвиемъ обращенъ къ лѣвой ступнѣ и топорикомъ вѣроятно былъ вложенъ въ лѣвую руку. У головы тонкія бронзовыя чашки *тисовы*. Къ сожалѣнію, черена не сохранилось.

Пули, находимыя въ болотѣ около тиммеревскихъ кургановъ, т. е. тяжеловѣсные, не всегда правильные, шары, по виду чугуныя, отъ 1 1/2 до 3 и болѣе сантим. въ діаметрѣ, и приводимые обыкновенно какъ доказательство бывшей здѣсь въ древности битвы, суть ни что иное, какъ распространенная въ Россіи простая болотная желѣзная руда, образцы коей можно встрѣтить въ каждомъ минералогическомъ собраніи. При расколѣ эти шары обнаруживаютъ корку и лучистую внутренность.

Кости животныхъ опредѣлены Чл. О. Л. Е. геологомъ К. О. Миласевичемъ. Присутствіе ихъ внутри кургановъ отмѣчено въ протоколахъ четыре раза. Въ Тиммеревѣ при снесенныхъ человѣческихъ костяхъ и сосудахъ на самомъ пепелищѣ—верхній лошадиный зубъ (кург. 20), въ другомъ точно такомъ же курганѣ (24), кости куриныхъ ногъ и обломокъ большой кости коровы; въ третьемъ курганѣ (34) при сосудѣ лежала нижняя челюсть и длинная кость коровы, человѣческихъ же костей, вѣроятно сильно перегорѣвшихъ, здѣсь не сохранилось. Кости животныхъ не носятъ на себѣ слѣдовъ сженія; потому слѣдуетъ предположить, что они были приложены къ праху кургана 24 или обглоданныя (т. е. надъ незарытымъ прахомъ совершалась їда, тризна) или же съ мясомъ, какъ жертва усопшему.

Не менѣе вниманія заслуживаетъ другой рядъ находокъ костей, о которыхъ умолчено въ протоколахъ, именно присутствіе костей животныхъ въ вершинѣ кургана. При началѣ раскопокъ я совсѣмъ былъ не приготовленъ къ такого рода наблюденію, потому въ Кирьяновѣ, замѣтивъ два раза, что при сниманіи верхняго слоя кургана выброшеныя съ землею полуистлѣвшія кости принадлежатъ домашнимъ животнымъ (барану или теленку), я объяснилъ себѣ ихъ присутствіе тѣмъ, что крестьяне перѣдко свозятъ на курганныя кладбища, какъ на неудобныя пустоши, свою павшую скотину. Повтореніе этихъ находокъ и притомъ замѣтная древность костей, побудили меня приглядываться пристальнѣе и поручить рабочимъ уведомлять меня о находкахъ «скотныхъ» костей. Ниже слѣдующіе 12 случаевъ относятся къ весьма истлѣвшимъ, безъ признаковъ сженія, обломкамъ костей домашнихъ животныхъ, преимущественно отъ мѣстъ, употребляемыхъ въ

*) Къ числу религіозныхъ предметовъ тоже могутъ быть отнесены выстѣ съ сими представленіе Обществу Любителей Естествознанія найденные въ г. Ростовѣ и принадлежащіе А. А. Титову два идолы. Одинъ высотой 6 сантим. На круглой подножкѣ мужская фигура съ небольшою бородой и длинными расчесанными въ кружокъ волосами. На головѣ шапка въ родѣ шапки съ шишкой наверху и большими горизонтальными придатками, сообразными ей видъ короны. Отъ пояса спускается ниже коленъ, вышняя юбка съ широкой опушкой по подолу, руки прижаты къ тѣлу локтями и сложены кистями на животѣ. Стилъ этой фигуры представляетъ мало характернаго. Другой идолъ очень интересный—иссохнѣвшій древній инородческий жевскій амулетъ. Грубое изображеніе человѣка высотой въ 4, 5 сантим. съ ребенкомъ на рукахъ. Пуговицы ребенка и обѣ пары глазъ обозначены кружками съ точкой по срединѣ—въ этомъ всѣ детали. На правомъ изчѣ фигурѣ пробита дырка, служившая ушкомъ для привѣса.

пищу, обломкамъ, найденнымъ на самой вершинѣ кургана въ первомъ *штукѣ* или пластѣ земли, снимаемой лопатами (раскопка ведется послойно), не глубже 3 — 4 вершковъ отъ поверхности.

Въ Кирьяновѣ		(?) 3 раза.
Въ Вороновѣ кург.	2	кость барана или свиньи.
Въ Тиммеревѣ кург.	4	коровья кость.
»	6	обломокъ телячьей кости.
»	13	сгнившая трубчатая кость.
»	29	головка трубчатой кости.
»	33	<i>metatarsale</i> теленка.
Въ Заборьи кург.	5	телячья тазъ и бедро.
»	15	телячья лопатка.
»	30	кость.

Наружный видъ костей не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что они происходятъ отъ языческаго времени. Обычай устраивать трапезу на могилахъ усопшаго, въ опредѣленные сроки по его кончинѣ, въ 9-й, 40-й день, въ годовщину, или въ такъ называемые родительскіе дни, еще практикуется у насъ и въ настоящее время. Свидѣтельства о распространенности того же обычая въ дохристіанскомъ бытѣ Россіи приведены въ книгѣ г. Котляревскаго (стр. 54, 113, 118, 250). Найденныя кости доказываютъ, что при поминкахъ (кроме поливанья могилы медомъ, молокомъ) зарывалась въ верхушку кургана пища (пожорь). Сохранность этихъ костей весьма замѣчательна, особенно по ихъ открытому положенію. Не по каждомъ умершемъ было кому совершать поминки, не всегда поминки могли справляться мясомъ, наконецъ зарываемые куски могли и не имѣть при себѣ костей. Въ 12 находокъ принадлежатъ курганамъ надъ несожженными трупами. Л. К. Ивановскій, раскопавшій многія тысячи кургановъ въ окрестностяхъ Финскаго залива, сообщилъ мнѣ, что обломокъ кости домашнего животного въ вершинѣ кургана составлялъ при его изслѣдованіяхъ столь обычную находку, что онъ пересталъ даже отмѣчать это въ своихъ протоколахъ.

2) Е. А. Покровскій представилъ слѣдующій докладъ о приготовленіяхъ къ выставкѣ и трудахъ Медико-Антропологической Коммиссіи:

Прежде всего имѣю честь заявить, что согласно желанію, выраженному Хозяйственной Коммиссіей, въ засѣданіи Медицинской Коммиссіи 29 января обсуждался вопросъ о врачебныхъ дежурствахъ во время выставки съ цѣлю поданія помощи при появленіи какихъ либо случайныхъ заболѣваній между посетителями. Разсчитывая, что выставка можетъ продолжаться около 5-ти мѣсяцевъ, Коммиссія полагаала необходимымъ обезпечить на это время по крайней мѣрѣ 150 дежурныхъ дней. Въ упомянутомъ засѣданіи было неполное число врачей, принимавшихъ участіе въ устройствѣ Медицинскаго Отдѣла выставки, но уже и наличнымъ числомъ присутствующихъ почти всѣ 150 дежурныхъ дней обезпечены.

Отъ инспектора Тобольской Врачебной Управы, г. Петржиныча получено слѣдующее письмо: «На приглашеніи ваши, посланныя на мое имя и на имя председателя Тобольскаго Медицинскаго Общества, извѣщающія о содѣйствіи въ собраніи свѣдѣній и предметовъ для Антропологической выставки въ Москвѣ, имѣю честь сообщить, что по полученіи этихъ приглашеній я обращался ко всѣмъ моимъ сослуживцамъ по губерніи съ просьбою принять искреннее участіе въ этомъ дѣлѣ и чтобы предметы и описанія, могущія имѣть научный интересъ, были, согласно предлагаемой программѣ посланы въ Москву прямо по нашему адресу, но вамъ вѣроятно извѣстно, что у насъ въ Сибири, при такомъ крайнемъ недостаткѣ врачей, всецѣло занятыхъ служебными обязанностями и по истинѣ обремененныхъ дѣлами, исполненіе этой просьбы встрѣчаетъ большія затрудненія. Будучи на короткое время по дѣламъ службы въ сѣверномъ край Тобольской губерніи, въ Веревскомъ округѣ, мнѣ удалось пріобрѣсти остроконечную колыбель и четыре черепа, принадлежащіе, безъ всякаго сомнѣнія, племенію Остяковъ, а также сапоги и строганное таловое дерево, каковыя предметы и имѣю честь представить вамъ съ краткимъ ихъ описаніемъ. Примите ихъ благожелательно и если найдете достойными вниманія, пріобщите куда слѣдуетъ.»